

Ж. Жене

БАЛКОН

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Ирма, она же королева

Епископ

Судья

Генерал

Начальник полиции

Посланник

Палач, он же Артур

Роджер

Кармен

Шанталь

Старик

Мужчина

Нищий, он же раб

Женщина

Воровка

Девушка

1 - й фотограф

2 - й фотограф

3 - й фотограф

КАРТИНА ПЕРВАЯ

На потолке висит люстра, одна и та же на протяжении всего спектакля. Три алых атласных ширмы образуют нечто вроде часовни. В задней ширме устроена дверь. Вверху огромное распятие с крайне натуралистической фигурой Христа. На правой перегородке висит зеркало. В нем отражается неубранная кровать, которая стоит в оркестровой яме. Стол, на столе — кувшин. Желтое кресло. На нем — черные брюки, рубашка, пиджак. Епископ в митре и золотого цвета мантии. Он очень высокого роста. Актер, играющий его, использует котурны (высотой около 50 сантиметров) и широкие накладные плечи. Подчеркнуто грубый грим. В стороне очень накрашенная молодая женщина в кружевном пеньюаре вытирает руки полотенцем. У двери стоит загорелая широкая женщина лет сорока, со строгим выражением лица. На ней черный английский костюм и шляпка. Это Ирма.

Епископ (сидя в кресле посреди сцены, глухо, но страстно). Воистину, не милосердие и не добротство должны определять собой священнослужителя, но самый строгий разум. Сердце нас губит, и потому следует быть властителями своей доброты, а не рабами мягкосердечной снисходительности. Впрочем, это даже не разум... (Задумывается)... а скорее жестокость. Мы восходим к жестокости, затем преодолеваем ее и устремляемся к Небытию. К смерти. А как же бог? (Он улыбается и обращается к своей митре). О епископская митра, о великодушная золотая шапка, тебе ведомо, что когда глаза мои закроются в последний раз, они увидят сквозь сомкнутые веки тебя... И вас, искусные украшения, и вас, изящные кружева, и тебя, мантия...

И Р М А (грубо). Уговор дороже денег. Теперь, когда все кончено... (На протяжении всей картины она стоит у двери почти без движений).

КАРТИНА ПЕРВАЯ

На потолке висит люстра, одна и та же на протяжении всего спектакля. Три алых атласных ширмы образуют нечто вроде часовни. В задней ширме устроена дверь. Вверху огромное распятие с крайне натуралистической фигурой Христа. На правой перегородке висит зеркало. В нем отражается неубранная кровать, которая стоит в оркестровой яме. Стол, на столе — кувшин. Желтое кресло. На нем — черные брюки, рубашка, пиджак. Епископ в митре и золотого цвета мантии. Он очень высокого роста. Актер, играющий его, использует котурны (высотой около 50 сантиметров) и широкие накладные плечи. Подчеркнуто грубый грим. В стороне очень накрашенная молодая женщина в кружевном пеньюаре вытирает руки полотенцем. У двери стоит загорелая широколицая женщина лет сорока, со строгим выражением лица. На ней черный английский костюм и шляпка. Это Ирма.

Епископ (сидя в кресле посреди сцены, глухо, но страстно). Воистину, не милосердие и не добротетство должны определять собой священнослужителя, но самый строгий разум. Сердце нас губит, и потому следует быть властителями своей доброты, а не рабами мягкосердечной снисходительности. Впрочем, это даже не разум... (Задумывается)... а скорее жестокость. Мы восходим к жестокости, затем преодолеваем ее и устремляемся к Небытию. К смерти. А как же бог? (Он улыбается и обращается к своей митре). О епископская митра, о великолепная золотая шапка, тебе ведомо, что когда глаза мои закроются в последний раз, они увидят сквозь сомкнутые веки тебя... И вас, искусные украшения, и вас, изящные кружева, и тебя, мантия...

И Р М А (грубо). Уговор дороже денег. Теперь, когда все кончено... (На протяжении всей картины она стоит у двери почти без движений).

Епископ (очень мягко, жестом отстраняя Ирму). И когда жребий брошен...

Ирма. Две тысячи, и никаких разговоров! Иначе я рассержусь, и тогда дело добром не кончится. Конечно, если у вас трудно сейчас с деньгами...

Епископ (сухо, отбрасывая митру). Весьма вам благодарен.

Ирма. Только не ломайте, еще пригодится. (Женщине). Положи ее на место.

Женщина кладет митру на стол рядом с кувшином.

Епископ (тяжело вздохнув). Мне сообщили, что ваш дом находится на осадном положении. Мятежники уже переправились через реку.

Ирма (с тревогой). Повсюду, конечно, льется кровь... Вам придется пройти вдоль стены монастыря и свернуть на улицу Пуассонер...

Внезапно за стеной раздается пронзительный женский крик.

Ирма (раздраженно). А вообще, советую вам молчать. Хорошо, что я велела закрыть окна плотными шторами. (Неожиданно лобезно, с иронией). Так чем вы сегодня занимались? Богослужением? Проповедью? Исповеданием?

Епископ (серьезно). Не будем об этом. Все кончилось, и я мечтаю лишь об одном: поскорее вернуться домой... Вы говорите, что город в крови...

Женщина (перебивая его). Мадам, сегодня было богослужение. После него — моя исповедь.

Ирма. А потом?

Епископ. Довольно!

Женщина. Больше ничего. Отпущение грехов, и все.

Ирма. Может быть, вам прислать кого-нибудь в помощь?

Епископ (испуганно). Нет, нет! Все, что здесь про-

исходит, должно оставаться в полной тайне. Уже то, что мы ведем подобный разговор, совершенно неприлично. Не надо никого. И чтобы все двери были закрыты. Закрыты, заперты, зашторены, заколочены...

И р м а. Я хотела бы попросить у вас...

Е п и с к о п. Заколочены, госпожа Ирма.

И р м а (раздраженно). Позвольте мне, все-таки, уладить деловую часть дела... Речь идет о двух тысячах.

Е п и с к о п (голос которого становится вдруг ясным и отчетливым, как после пробуждения. Он заметно раздражен). Мы еще не кончили. Всего-навсего шесть грехов.

Ж е н щ и н а. Шесть, зато самых главных! Они стоили мне немалых усилий.

Е п и с к о п (обеспокоенно). Усилий? Вы хотите сказать, что обманывали меня?

Ж е н щ и н а. Нет, я имею в виду, как мне нелегко было их совершить. Знали бы вы, например, с каким трудом дается мне непослушание!

Е п и с к о п. Сомневаюсь в этом, дитя мое. Мир устроен настолько совершенно и безобидно, что в нем дозволено все— или почти все. Однако, если ты и вправду солгала мне о своих грехах, то лучше признайся в этом сразу.

И р м а. Нет, нет, можете не беспокоиться! Грехи самые настоящие. (Женщине). Помогите развязать шнурки. Раззуй его и раздень. Только смотри, чтобы он не простудился. (Епископу). Не желаете ли чего-нибудь согреться?

Е п и с к о п. Премного вам благодарен, но мне некогда. Пора уходить. (Мечтательно). Шесть, зато самых главных!

И р м а. Подойдите сюда, вас разденут.

Е п и с к о п (умоляюще, почти на коленях). Нет, нет, еще нет!

И р м а. Пора. И побыстрее!

Не прерывая разговора, его раздевают, точнее, развязывают шнурки, вынимают булавки, скрепля-

ющие мантию и епитрахиль и т.д.

Епископ (женщине). Ты действительно совершила все эти грехи?

Женщина. Да.

Епископ. И все положенные в каждом случае греховные деяния и жесты?

Женщина. Да.

Епископ. Когда ты подошла ко мне и поклонилась, твое лицо озаряли отблески греховного пламени?

Женщина. Да.

Епископ. А когда моя рука осеняла твой лоб крестным знаменем, даруя тебе прощение...

Женщина. Да.

Епископ. А когда мой взгляд проникал в глубину твоих прекрасных глаз?

Ирма. В этих глазах, господин епископ, светилось раскаяние.

Епископ (поднимаясь, быстро). Раскаяние? Я видел в этих глазах лишь сладостное желание греха. Ее огромные глаза глядели в бездну... и смертельная бледность оживила— да, госпожа Ирма,— оживила ее лицо. Однако на то и существует наша святость, чтобы прощать вам прегрешения.

Женщина (неожиданно кокетливо). А что, если мои грехи были настоящими?

Епископ (более естественным голосом). Ты с ума сошла! Надеюсь, что на самом деле ты ничего подобного не делала.

Ирма (епископу). Не слушайте ее. Вы же прекрасно знаете, что здесь нет ни малейшей возможности...

Епископ (перебивая ее). Прекрасно знаю! Здесь нет ни малейшей возможности совершить зло, поскольку вы живете во зле и совесть вас не мучит. Вы просто не способны совершить зло. Дьявол— игрок, поэтому его здесь признают. Он— величайший из актеров. Именно по этой причине церковь прокляла комедиантов.

Женщина. Неужели вы боитесь действительности?

Епископ. Окажись твои грехи настоящими, они были бы преступлением, и тогда я попал бы в крайне затруднительное положение.

Женщина. Вы что, заявили бы обо мне в полицию?

Ирма продолжает раздевать епископа. Однако мантия еще остается на нем.

Ирма (епископу). Оставьте вы ее, наконец, в покое!

Вновь раздается ужасный крик женщины.

Ирма. Опять! Придется пойти и утихомирить их.

Епископ. Крик, кажется, непритворный.

Ирма (взволнованно). Не знаю... Откуда мне знать, да и какая разница?

Епископ (медленно подходит к зеркалу и останавливается перед ним). ...Скажи мне, зеркало, разве я не для того здесь, чтобы отделять зло от невинности? (Ирме, очень тихо). Выйдите! Оставьте меня одного.

Ирма. Поздно.

Епископ (умоляя). Хотя бы на одну минуту.

Ирма. Вы провели здесь два часа двадцать минут. На двадцать минут больше...

Епископ (с внезапной яростью). Оставьте меня! Если хотите, можете подслушивать под дверью, тем более, что вам это не впервой. А как только я кончу-входите.

Обе женщины со вздохом выходят. Епископ остается перед зеркалом один. С заметным усилием он пытается успокоиться.

Епископ. ...Скажи мне, зеркало, разве не для того я здесь, чтобы отделять зло от невинности? Но кто это позолоченное отражение? Я- никто, и, да будет мне бог свидетелем, я никогда не желал епископского

кресла. Стать епископом, и подниматься вверх по ступеням добродетелей или пороков — означает для меня удаление от подлинного епископского достоинства. Объясняю, почему. (Очень рассудительно, словно доказывая математическую теорему). Чтобы стать епископом, мне пришлось бы изо всех сил стараться им не быть, но поступать таким образом, чтобы им стать. А став епископом, мне, для того, чтобы им быть — то есть, быть им для самого себя — пришлось бы постичь, что значит, им быть.

Он подбирает полу мантии и целует ее.

Епископ. О, кружева, кружева, сработанные тысячами крошечных ручек с тем, чтобы прикрыть собой тысячи трепетных шей и тысячи раскормленных лиц... О кружева, прославляющие собой цветы и ветви! Но здесь — то и "хик"! (Смеется). Что это я вдруг по-латыни? Наверное должность дает знать. Ведь должность — образ нашего бытия. Иначе говоря, епископ — способ существования. Бремя. Ноша. Митра, кружева, позолота, стеклярус. Коленопреклонение. К чертям должность!

Раздается пулеметная очередь.

Ирма (просовывая голову в приоткрытую дверь). Уже кончили?

Епископ. Ради бога, оставьте меня! Убирайтесь! Я исповедуюсь.

Ирма закрывает дверь.

Епископ. Величие и достоинство, озаряющие меня как личность, отнюдь не укоренены в свойствах моей должности. И небо здесь ни при чем, только мои собственные способности. Величие и достоинство, озаряющие меня, проистекают из некоего таинственного источника: епископ предшествует мне, и ты

прекрасно знаешь об этом, о позолоченное отражение, разукрашенное, словно коробка мексиканских сигар. Я желаю быть епископом в одиночестве, для одной только видимости... и чтобы уничтожить свою должность, желаю устроить скандал и задрать юбку этой шлюхе, этой развратнице и грязнуре...

И р м а (возвращаясь). Ну ладно, довольно. Пора уходить.

Обе женщины возвращаются.

И р м а. Неужели вы не понимаете, что я не собираюсь ссориться с вами ради собственного удовольствия? Просто нельзя терять ни минуты, иначе вас могут задержать на улице.

Отдаленные пулеметные выстрелы.

Е п и с к о п (с горечью). Плевать на безопасность!
Плевать на весь мир!

И р м а (женщине). Хватит его слушать, помоги ему переодеться.

Епископу, который сошел с котурнов и обрел обычные человеческие размеры.

И р м а. Пошевеливайтесь! Какой неповоротливый, прямо чурбан!

Е п и с к о п (с глупым лицом). Чурбан? Да, пожалуй, чурбан. Одинокий чурбан! Окончательная неподвижность.

И р м а (женщине). Поддай ему пиджак.

Е п и с к о п (глядя на сброшенную одежду, которая кучей лежит на полу). О украшения, о кружева, благодаря вам я возвращаюсь к самому себе! Вновь обретаю свое царство. Вхожу в старинный замок, из которого когда-то бежал. Ступаю на поляну, где, наконец, смогу совершить самоубийство. Приговор зависит от меня одного, и вот я стою лицом к лицу со своей смертью.

И р м а. Это прекрасно, но все же пора уходить. Ваш автомобиль стоит у подъезда, возле фонарного столба...

Епископ торопливо набрасывает золоченую мантию поверх своей обычной одежды.

Епископ (Ирме). И все лишь потому, что наш начальник полиции, этот совершенный бездарь, позволяет каким-то подокам убивать нас! (Поворачивается к зеркалу и декламирует). О украшения! О митра! И ты, золоченая мантия, что даруешь мне мир и покой. Где мои ноги и руки? Под твоими атласными подкладами... Что делают руки? Неспособные больше ни на что, кроме судорожных движений, они превратились в обрубки крыльев, не ангельских, конечно, а павлиньих! — о мантия, ты открываешь мне путь к самой нежной и светлой любви. Моя любовь, которой дано заполнить весь мир, скрывается под этим панцирем... Вот рука, словно нож, выползает из своего укрытия для благословения. Или для разрушения. Она медленно раздвигает полы и появляется, словно голова черепахи. Черепахи или осторожной змеи. И снова возвращается назад, в свое гнездо. Там она мечтает... Украшения, золотая мантия...

Сцена передвигается слева направо, как бы вдвигаясь в кулисы. Одновременно появляются декорации следующей картины.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Та же люстра на потолке. Три коричневые ширмы. Пустые стены. То же зеркало справа, в котором отражается неубранная кровать. На сцене молодая красивая женщина со связанными руками. Ее платье разорвано, грудь обнажена. Перед женщиной стоит палац, раздетый по поясу мужчина огромного роста и с прекрасной мускулатурой. Сзади у него, через пояс продета плеть, похожая на хвост.

Судья ползет на животе за женщиной, которая медленно отступает. У судьи грубо загримированное лицо и скрытые под одеждой котурны, благодаря которым, он кажется очень высоким.

Воровка (поднимая ногу). Нет! Сначала лижи ее!
Лиж!

Судья пытается ползти дальше, затем встает и медленно, через силу, но со счастливым лицом, садится на скамью. Воровка меняет позу и из повелительницы превращается в покорную жертву.

Судья (строго). Ты- воровка! Полиция схватила тебя врасплох! Ты забыла про ту незримую, но прочную клетку, которой мои шпика давно окружили твои жесты и поступки. Слово насекомые с бегущими глазами, следят они таких, как ты, и доставляют во дворец... Что ты можешь сказать? Тебя поймали с поличным... У тебя под юбкой обнаружена... (Палачу). Сунь ей руку под юбку и найдешь там знаменитую воровскую сумку. (Воровке). В ней ты и прятала все, что тебе удавалось стащить. Ненасытное и безрассудное создание! Более того, просто идиотка!.. (Палачу). Что у нее в сумке?

Палач. Фонарь, бутылка вина, духи, апельсины, носки, медвежья шкура, махровое полотенце и шарф. (Судье). Господин судья, вы слышите? Шарф!

Судья (вздрагивая). Шарф? Так, так. А для чего он ей? Послушай, для чего тебе шарф? Наверное, чтобы кого-нибудь им задушить? Но ведь ты- воровка, а не убийца. (Очень тихо, умоляюще). Прошу тебя, детка, признайся, что ты- воровка.

Воровка. Да, господин судья!

Палач. Нет!

Воровка (удивленно смотрит на него). Как нет?

Палач. Ты слишком спешишь.

Воровка. Что?

Палач. Ты должна сознаться позже. Понятно? А пока отпирайся.

Воровка. Чтобы меня за это били!

Судья (сладостно). Совершенно верно, детка, чтобы тебя за это били. Сначала тебе следует отпираться, а позже- сознаться во всем и раскаяться. Мне хочется

увидеть, как из твоих прекрасных глаз польется теплая водичка. Хочу, чтобы ты вся вымокла в ней. О великая сила слез!.. Но куда же делся мой кодекс?

Он шарит у нее под юбкой и достает оттуда книгу.

В о р о в к а. Я уже плакала...

С у д ь я (делает вид, что читает). Потому что тебя били. А мне нужны слезы раскаяния. Когда я увижу, что ты вся в слезах, словно луг в росе, я вполне удовлетворюсь.

В о р о в к а. Не так-то это просто. Одну минутку, сейчас попробую...

С у д ь я (отложив чтение, более естественным голосом). Как ты еще молода! Как неопытна! (С беспокойством). А вдруг ты несовершеннолетняя?

В о р о в к а. Нет, нет, сударь...

С у д ь я. Зови меня "господин судья". Когда ты сюда пошла?

П а л а ч. Позавчера, господин судья.

С у д ь я (снова принимаясь за чтение, прежним тоном). Пусть она сама отвечает. Мне нравится ее нежный и растерянный голосок... Послушай, для того, чтобы я стал настоящим судьей, тебе необходимо быть настоящей воровкой. А если будешь приговаряться, я превращусь в ненастоящего судью. Тебе понятно?

В о р о в к а. Конечно, господин судья.

С у д ь я (продолжая читать). Ну, ладно. До сих пор все шло хорошо. Мой палач бил тебя вполне исправно... поскольку именно в этом и состоит его обязанность. Мы все друг с другом накрепко связаны: ты, он, я. Ведь если бы, допустим, он тебя не бил, то каким образом я сумел бы запретить ему бить? Следовательно, он должен бить для того, чтобы я вмешался и продемонстрировал свою власть и превосходство. А ты, в свою очередь, должна отрицаться, чтобы он тебя бил.

Внезапно раздается шум. По-видимому, в соседней комнате что-то упало.

С у д ь я (обычным голосом). В чем дело? Посмотрите, закрыта ли дверь? Вдруг нас кто-нибудь видит или слышит?

П а л а ч. Нет, нет, успокойтесь. Я запер дверь на засов.

Он подходит к двери в глубине сцены и трогает огромный засов.

П а л а ч. дверь в коридор тоже заперта.

С у д ь я (обычным голосом). Ты в этом уверен?

П а л а ч. Клянусь! (Сует руку в карман). Разрешите закурить?

С у д ь я (обычным голосом). Кури. Запах табака меня вдохновляет.

Повторяется прежний шум.

С у д ь я. Что это все-таки такое? Никакого покоя! (Поднимается). Что там происходит?

П а л а ч (сухо). Ничего. Наверное, что-нибудь упало. Нельзя быть таким нервным.

С у д ь я (обычным голосом). Вполне возможно, но не будь я таким нервным, я бы совсем утратил всякую бодрость духа.

Он встает и подходит к перегородке.

С у д ь я. Можно взглянуть?

П а л а ч. Только быстро. Но уже поздно.

Палач подмигивает воровке.

С у д ь я (подглядывает). Все освещено... блестит... и пусто.

П а л а ч (пожимая плечами). Пусто!

С у д ь я (непринужденно). А почему ты так беспокоишься? Тебе известны новости?

П а л а ч. Перед самым вашим прибытием три главных опорных пункта в городе попали в руки мятежников. Они подожгли несколько домов. И ни одной пожарной машины... Все в пламени... Дворец...

С у д ь я. А начальник полиции? Ему удалось скрыться?

В о р о в к а. За последние часы о нем ничего не известно. Если ему удалось бежать, то он, несомненно, вскоре появится здесь. Его прибытия ожидают с минуты на минуту.

С у д ь я (воровке, усаживаясь). Как бы там ни было, перебраться через Королевский мост можешь не надеяться. Сегодня ночью он взлетит в воздух.

В о р о в к а. Все это знают. Мы ожидаем взрыва.

С у д ь я (снова принимается за чтение кодекса. Театральным тоном). Вернемся к делу. Итак, пользуясь сном праведников, ты грабила их, обчищала, обкрадывала, раздевала...

В о р о в к а. Нет, господин судья, это неправда...

П а л а ч. Сейчас ты у меня получишь пару горячих!

В о р о в к а (кричит). Артур!

П а л а ч. Что такое? Прошу по имени меня не называть.

Я для тебя: господин палач.

В о р о в к а. Слушаюсь, господин палач.

С у д ь я (читая). Последний раз спрашиваю: ты воровала?

В о р о в к а. Да. Да, господин судья.

С у д ь я (читая). Хорошо. А теперь ответь быстро и без обмана: что ты еще украла?

В о р о в к а. Хлеб. Хлеб, господин судья. Мне очень хотелось есть.

С у д ь я (поднимается и откладывает книгу). Какая прекрасная, какая возвышенная должность! Я должен существовать, чтобы судить тебя. Ах, детка, ты примиряешь меня с миром. Судья! Я — судья твоих поступков. Мир — яблоко, которое я рассекаю на две части: хорошее и плохое. Спасибо тебе за то, что ты согласилась быть плохой! (В зрительный зал). Прискорбное занятие. Если говорить серьезно, то каждый приговор стоит мне жизни, поскольку я — мертв. Я обитаю в царстве действительной свободы. Князь ада, я взвешиваю смерти, подобные моей собственной.

В о р о в к а. Господин судья, вы меня пугаете.

С у д ь я (подчеркнуто). Помолчи. В глубинах ада я разделяю людей: одних — в огонь, других — в тоскливые

райские кущи. Эй, ты, воровка, с тобой говорит сам Минос, это он взвешивает тебя. (Палачу.) Цербер! П а л а ч (подражая собачьему лаю). Р-гав! Р-гав! С у д ь я. Ты прекрасен. А при виде новой жертвы станешь еще прекраснее. (Раздвигает палачу рот). Ну-ка, покажи свои клыки! Какие страшные! Какие белые!

Неожиданно им овладевает беспокойство.

С у д ь я (воровке). Послушай, а ты не врешь? Ты действительно совершила эти кражи?

П а л а ч. Будьте спокойны. Она бы не додумалась вас обмануть.

С у д ь я. Я почти счастлив. Так что ты еще украла?

Раздается пулеметная очередь.

С у д ь я. Когда это кончится? Ни минуты покоя.

В о р о в к а. Я вам уже сказала: мятежники захватили все северные кварталы.

П а л а ч. Заткнись!

С у д ь я. Отвечай, что ты еще украла? Где? Когда? Сколько? Для кого? Отвечай!

В о р о в к а. Чаще всего я проникала в дом по черной лестнице, в то время, когда служанка куда-нибудь отлучалась... Онутошала ящики буфетов и туалетных столиков, разбивала детские копилки... (Она подыскивает нужные слова). Однажды я нарядилась девушкой из благородного семейства: костюм цвета бордо, черная соломенная шляпа с искусственными цветами, вуаль, черные туфли на высоком каблуке... И пошла...

С у д ь я (торопливо). Куда? Куда? Куда ты пошла?

В о р о в к а. Простите, но дальше я не знаю.

П а л а ч. Бить?

С у д ь я. Пока не надо. (Воровке). Куда ты пошла? Говори, куда? Куда? Куда?

В о р о в к а. (растерянно). Клянусь вам, больше я

ничего не знаю.

П а л а ч. Бить? Господин судья, можно начинать?

С у д ь я (подходя к палачу). Ну вот! Твое наслаждение- в моих руках! Тебе очень хочется ее избить? Все правильно, так и надо. Ты- огромная глыба мяса, которую заставляет двигаться одно-единственное мое слово. (Делает вид, что смотрится в палача, как в зеркало). Ты- зеркало, прославляющее меня. Отражение, до которого я могу дотронуться. Я люблю тебя. Никогда у меня не хватит духа наказать тебя, никогда на твоей спине не появятся багровые полосы. (Дотрагивается до палача). Ты здесь? Ты здесь, моя огромная рука, рука, слишком тяжелая для меня, чересчур крупная для моего плеча, рука, которая ходит рядом со мной! Рука, без которой я превратился бы в ничто... (Воровке). Детка, и без тебя тоже. Вы- два моих превосходных придатка... Ах, какое из нас составилось прелестное трио! (Воровке). Ты, впрочем, обладаешь исключительным правом, как на него, так и на меня. Мое бытие судьи проистекает из твоего бытия воровки. Стоит тебе выйти из игры... только не вдумай этого сделать!- стоит тебе отказаться от себя, от своей сущности, как я тотчас же прекращу свое существование, исчезну, лопну, испарюсь... Но ты не откажешься, правда? Ты не перестанешь воровать? Это было бы величайшим злом, просто преступлением: ты лишила бы меня возможности существовать. (Умоляющим голосом). Скажи, детка, скажи, любимая, ты не перестанешь воровать?

В о р о в к а (кокетливо). Не знаю.

С у д ь я. Как? Что ты говоришь? Ты же воровала! Только признайся: где? И что? Что ты украла?

В о р о в к а (сухо). Не скажу.

С у д ь я. Ну, скажи, скажи! Не будь такой жестокой...

В о р о в к а. Прошу обращаться ко мне на вы.

С у д ь я. Мадемуазель... Сударня... Я очень прошу.

(Опускается на колени). Я вас умоляю. Не позволяйте мне оставаться в этой позе, ведь я все-таки судья.

Что было бы с нами, если бы не было судей?

В о р о в к а (насмешливо). А если бы не было воров?

С у д ь я. О, это было бы ужасно! Но вы не допустите подобной шутки, правда? Вы не будете поступать так, словно их нет? Пойми меня, ты можешь запыряться, сколько тебе угодно, я все это вынесу... я готов изнемогать, бить ногами, страдать от нетерпения, досадовать, обливаться потом, ползать... Хочешь, я поползу за тобой?

П а л а ч (судье). Ползите!

С у д ь я. Я гордый и благородный человек...

П а л а ч (угрожающе). Ползите!

Судья, который стоит на коленях, опускается на пол и медленно ползет к воровке. По мере его продвижения она отступает.

П а л а ч. Хорошо. Еще.

С у д ь я (воровке). В том, что ты заставляешь меня ползти, отстаивая мою сущность судьи, ты совершенно права, но если ты, мерзавка, откажешься от себя окончательно и бесповоротно, это будет настоящим преступлением...

В о р о в к а (надменно). Прошу называть меня сударыня и обращаться со мной повежливее.

С у д ь я. А я-то получу то, что прошу?

В о р о в к а (кокетливо). Воровство— дело нелегкое

С у д ь я. Я заплачу! Сударыня, я заплачу, сколько надо! Ведь если я не смогу более отделять Добро от Зла, то что мне останется делать? Хотел бы я знать.

В о р о в к а. Я тоже.

С у д ь я (очень грустно). Только что я собирался быть Миносом. Мой Цербер уже лаял... (Палачу). Помнишь? (Палач прерывает его, щелкая плетью). Как ты жесток, злодей! Ну ладно! Я намеревался набить доверху и ад, и тюрьмы. Тюрьма! Тюрьма! Благословенное место, где зло невозможно, поскольку тюрьма— сосредоточие всего зла мира. Нельзя совершать зло во зло.

Он пытается встать.

П а л а ч. Ползите! И поторопитесь, мне пора переодеваться.

С у д ь я (воровке). Сударыня! Сударыня! Ну согласитесь, прошу вас. Я готов вылизать вашу туфлю, только скажите мне, что, вы- воровка...

В о р о в к а (кричит). Нет, сначала лижи ее! Лижи! Лижи!

Сцена перемещается слева направо, как в конце предыдущей картины, и вдвигается в кулисы. Издалека доносятся пулеметные выстрелы.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Все те же три ширмы, на этот раз темно-зеленого цвета. То же зеркало, в котором отражается неубранная кровать. На кресле лежит игрушечная голова лошади. В комнате- мужчина с очень робким выражением лица. Это генерал. Он снимает с себя пиджак, затем шляпу и перчатки. Рядом с ним Ирма.

Г е н е р а л (указывая на шляпу, пиджак и перчатки). Это надо убрать!

И р м а. Могут помяться.

Г е н е р а л. Пусть спрячут куда-нибудь.

И р м а. Вам бы хотелось, наверное, чтобы их сожгли.

Г е н е р а л. Да, это было бы неплохо.словно горящий в сумерках город.

И р м а. Вы что-нибудь заметили, когда шли сюда?

Г е н е р а л. Я подвергался самой настоящей опасности. Мятежники взорвали плотину, и многие кварталы затопило. В частности, арсенал. Так что теперь весь порох подмок. А ружья заржавели. Я то и дело наткнулся на утопленников.

И р м а. Не смею допытываться о вашем мнении по поводу мятежа. Каждый волен выбирать сам, а лично меня политика вообще не интересует.

Г е н е р а л. Поговорим тогда о чем-нибудь другом. Вот что я хотел бы знать: как я отсюда выберусь? Будет уже позднее время...

И р м а. Что касается позднего времени...

Г е н е р а л. Ах да, совсем забыл!

Он роется в кармане, достает несколько банкнот, пересчитывает и протягивает Ирме. Она берет их и сжимает в кулаке.

Г е н е р а л. Так вот, когда я буду уходить, мне не хотелось бы блуждать в темноте. Не найдется ли у вас кто-нибудь в провожатые?

И р м а. К несчастью, Артур будет в это время занят.

Продолжительное молчание.

Г е н е р а л (с неожиданным нетерпением). Однако... почему она не идет?

И р м а. Не знаю. Мне сообщили, что к вашему приходу все готово. Сейчас позвоню.

Г е н е р а л. Разрешите, я сам. (Нажимает на кнопку). Люблю звонить. В этом есть что-то начальственное.

И р м а. Сейчас она придет, господин генерал. Простите, что обратилась к вам по званию... Сейчас она придет, и вы...

Г е н е р а л. Тсс-с-с... Не будем об этом...

И р м а. Вы- молоды, сильны, необузданны...

Г е н е р а л. А шпоры будут? Я просил прикрепить к сапогам шпоры. Сапоги, надеюсь, лакированные?

И р м а. Да, господин генерал, лакированные.

Г е н е р а л. Отлично, но, чтобы запыленные.

И р м а. Конечно, и даже чуть-чуть в крови. (Пауза).

Я велела приготовить ордена.

Г е н е р а л. Настоящие?

И р м а. Настоящие.

Неожиданно раздается протяжный женский крик.

Г е н е р а л. Что такое?

Он подходит к правой ширме и наклоняется, чтобы посмотреть, но Ирма не дает ему это сделать.

И р м а. Ничего особенного. Мир полон непредвиденных событий.

Г е н е р а л. Но этот крик? Да еще женский! Кажется, крик о помощи. Моя кровь закипает... Я устремляюсь...

И р м а. (холодно). Успокойтесь и ни во что не вмешайтесь. В настоящее время — вы сугубо гражданское лицо.

Г е н е р а л. Вы правы.

Женский крик повторяется.

Г е н е р а л. Все-таки он меня беспокоит. Более того, тяготит.

И р м а. Почему она не идет?

Она подходит к звонку, но в это время дверь в глубине сцены открывается, и входит очень красивая рыжеволосая девушка. Ее волосы связаны узлом и распущены, грудь почти обнажена. На ней черный купальный костюм, черные чулки и туфли на очень высоких каблуках. Она держит в руках генеральский мундир, шпагу, треуголку и сапоги.

Г е н е р а л (строго). Наконец-то явилась! Получасовое опоздание! За это время можно выиграть целое сражение.

И р м а. Господин генерал, смею уверить вас, что она наверстает упущенное. Я ее знаю.

Г е н е р а л (осматривая сапоги). А где же кровь? Не вижу крови.

И р м а. Высохла. Это кровь ваших былых сражений. (Пауза). Я вас покидаю. Надеюсь, больше ничего не надо?

Г е н е р а л (оглядываясь по сторонам). Вы забыли...

И р м а. О боже! И впрямь...

Она кладет на стул полотенце, которое до этого держала в руке. Затем выходит через заднюю дверь. Генерал идет следом и закрывает дверь на ключ. Но едва он успевает это сделать, как в дверь стучат. Девушка открывает. За дверью, чуть отступив, стоит палач и утирает пот полотенцем.

П а л а ч. Мадам Ирма здесь?

Д е в у ш к а. Нет, она в Розарии. (Спохватившись). Прошу прощения, в Пылающей Часовне.

Она закрывает дверь.

Г е н е р а л (раздраженно). А я-то надеялся найти здесь покой! Ты улыбаешься? Ах да, ты рада своему наезднику! Ты узнаешь его нежную и твердую руку! (Гладит ее). Замечательная моя лошадка! Сейчас мы помчимся с тобой во весь опор!

Д е в у ш к а. Да, да! Мои нервные ноги готовы оббежать весь мир. Снимайте ботинки и брюки, я помогу вам переодеться.

Г е н е р а л (берет трость). Хорошо. Но сперва — на колени! На колени! Давай, давай, сгибай колени...

Девушка становится на дыбы, словно цирковая лошадь, затем издает радостное ржанье и опускается перед генералом на колени.

Г е н е р а л. Bravo! Bravo, Коломба! Ты все помнишь! А сейчас помоги мне переодеться и ответь на мои вопросы. По-моему, нет ничего особенного в том, что молодая кобылица помогает хозяину раздеваться и разговаривает с ним. Начнем со шнурков.

В течение последующей сцены девушка помогает генералу сначала раздеться, а затем одеться в генеральский мундир. Одевшись, генерал значительно увеличивается в размерах — благодаря невидимым котурнам и широким накладным плечам. Его лицо грубо загримировано.

Д е в у ш к а. Левая нога опять опухла?

Г е н е р а л. Да. Я ей погоняю.

Д е в у ш к а. Что, что? Расстегивайтесь.

Г е н е р а л. Ты что, неграмотная? Погоняю. Помоги мне.

Тащи. Только потише немного, ты ведь не ломовая,
а скаковая.

Д е в у ш к а. Как умею.

Г е н е р а л. Уже бунт? Придется прибегнуть к удилам...

Д е в у ш к а. О, только не это!

Г е н е р а л. Лошадь учит генерала! У тебя будут удила,
узды, сбруя и подпруга, а я, в сапогах, треуголке
и с хлыстом, устремлюсь на тебе в атаку.

Д е в у ш к а. Эти проклятые удила! У меня опять будут
кровоточить от них десны, а рот покроется кровавой
пенной.

Г е н е р а л. Кровавая пена! Зато, какой галоп! Среди
полей пшеницы и люцерны, по лугам и пыльным дорогам,
в горах и долинах, с рассвета до самого заката...

Д е в у ш к а. Снимайте рубаху! Отстегните подтяжки! Не
так уж трудно одеть генерала. Шпагу желаете?

Г е н е р а л. Лафайетт держал свою шпагу на столе. Оставь
ее на виду, а одежду спрячь куда-нибудь подальше.

Девушка свертывает одежду в узел и прячет ее
за кресло.

Г е н е р а л. Подай китель! Отлично. Все ордена на месте?
Сосчитай.

Д е в у ш к а (быстро считает). Все, господин генерал.

Г е н е р а л. А война? Где же война?

Д е в у ш к а (очень тихо). Она надвигается, господин
генерал. Она уже надвигается. Вечер в яблоневом
саду. Розовое и неподвижное небо.. Покой окутывает
всю землю. Негромко воркуют голуби, предвестники
грядущих сражений. Тишина. Слышно, как с дерева
упало яблоко.

Г е н е р а л. И вдруг...

Д е в у ш к а. Мы скачем по краю луга. Я с трудом сдержи-
ваю ржанье. Твое теплое бедро прижато к моему боку...

Г е н е р а л. И вдруг...

Д е в у ш к а. Смерть бродит совсем рядом. Приложив палец ко рту, она призывает к молчанию. Последняя благодать озаряет предметы... Ты больше не обращаешь внимания на мое присутствие...

Г е н е р а л. И вдруг...

Д е в у ш к а. Застегивайтесь сами, господин генерал! Вода неподвижно застыла в озере. Ветер словно ожидает приказа, чтобы обрушиться на знамена...

Г е н е р а л. И вдруг...

Д е в у ш к а. И вдруг... и вдруг... (Она явно подыскивает нужные слова). Ах да, и вдруг— огонь и железо! Вдовы! Километры траурной ленты для флагов. Сухие глаза вдов и матерей под вуалями. С разрушенной колокольни падают часы. На повороте улицы я пугаюсь белого флага и встаю на дыбы, но, украшенная твоей нежной и тяжелой рукой, успокаиваюсь и снова перехожу на мноходь. О, мой герой, как я люблю тебя!

Г е н е р а л. А мертвые? Неужели не было мертвых?

Д е в у ш к а. Солдаты целуют перед смертью полковые знамена. Тебе достаются только победы и удачи... Помнишь, как однажды...

Г е н е р а л. Однажды я был так нежен и тих, что пошел снегом. Пошел снегом на своих солдат и окутал их мягчайшим саваном. Березина!

Д е в у ш к а. Осколки снарядов срезают людские головы. Наконец—то смерть нашла себе работу. Она проворно снует среди солдат, раздирает раны, гасит взоры, отрывает руки, выедаёт лица, приглушает крики... Изможденная, умирая от усталости, она затихает, наконец, на твоих плечах. Она засыпает.

Г е н е р а л (пьянея от радости). Постой, постой, еще рано... но как великолепно! Где португеза? Прекрасно!

Он рассматривает себя в зеркале.

Г е н е р а л. Баграм! Генерал! Человек сражений и парадов, вот я, в своей чистой видимости. Неважно,

что позади меня нет дивизий. Я просто являю самого себя. Я прошел все войны, не погибнув, пережил все несчастья, не умерев, поднялся по лестнице чинов, оставшись в живых, — и все для одной этой минуты, подобной смерти...

Внезапно он замолкает, взволнованный какой-то мыслью.

Г е н е р а л. Скажи, Коломба...

Д е в у ш к а. Да, господин генерал?

Г е н е р а л. Ты не знаешь, где сейчас начальник полиции? (Девушка отрицательно качает головой). Не знаешь? Значит, все опять ускользает между нашими пальцами? И мы только теряем зря время?

Д е в у ш к а (повелительно). Не все. К тому же, нас это не касается. Продолжайте. Вы сказали: для этой минуты, подобной смерти... А дальше?

Г е н е р а л (запинаясь). ...подобной смерти... когда я... когда я превращаюсь в ничто, бесконечно отраженное в этих зеркалах... Расчеши себе гриву! Моя лошадь должна хорошо выглядеть. И вдруг — звуки трубы, и я, верхом на тебе, спускаюсь, спускаюсь к славе и смерти, поскольку я должен умереть. Это сошествие в могилу...

Д е в у ш к а. Господин генерал, но позавчера вы уже умирали!

Г е н е р а л. Знаю... этот живописный спуск по неожиданному склону...

Д е в у ш к а. Мертвый, но красноречивый генерал.

Г е н е р а л. Я хочу стать одиноким генералом. Не для самого себя, а для своего отражения, и для отражения отражения, и так далее. Короче говоря, мы — среди равных. Коломба, ты готова?

Девушка утвердительно кивает.

Г е н е р а л. Тогда поехали. Сегодня ты будешь гнедой масти.

Генерал надевает ей игрушечную голову лошади и щелкает хлыстом.

Г е н е р а л. Здравия желаю! (Отдает честь своему отражению в зеркале). Прощай, генерал!

Он ложится в кресло, протягивает ноги на стул и лека неподвижно, словно труп, отдает честь зрительному залу. Девушка становится перед стулом и изображает, оставаясь на одном месте, медленно движущуюся лошадь.

Д е в у ш к а (торжественно и печально). Процессия тронулась в путь... Мы пересекаем город и шествуем вдоль реки. Я печальна. Небо прижалось к земле. Все оплакивают смерть прекрасного героя, павшего на войне.

Г е н е р а л (вскакивает). Коломба!

Д е в у ш к а (оборачиваясь в слезах). Что, господин генерал?

Г е н е р а л. Добавь, что я умер стоя.

Он принимает прежнее положение.

Девушка. Мой герой умер стоя! Процессия направляется дальше. Впереди идут твои адъютанты. За ними я, Коломба, твоя боевая лошадь. Полковой оркестр исполняет похоронный марш.

Девушка, продолжая двигаться на месте, напевает "Похоронный марш" Шопена. Ей вторит невидимый духовой оркестр.

Издали доносится пулеметная очередь.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Комната, стены которой образованы тремя зеркалами. Посредине — щедедушного вида старик, одетый в лохмотья нищего, но тщательно причесанный.

Рядом с ним очень красивая рыжеволосая девушка. Кожаные нагрудные латы, меховая куртка, кожаные сапоги. Ее стройные бедра обнажены. Она что-то ожидает. Старик тоже. Он нервничает. Она спокойна. Старик с дрожью снимает свои дырявые перчатки, достает из кармана белоснежный платок и вытирает пот со лба. Снимает очки, укладывает их в футляр, а футляр прячет в карман. Затем вытирает платком ладони. Все движения старика отражаются в трех зеркалах. В глубине сцены раздаются три удара в дверь. Девушка подходит к двери и говорит: Войдите! В приоткрытой двери появляется рука Ирмы, которая держит плетку и грязный взлохмаченный парик. Девушка берет парик и плетку. Дверь закрывается. Лицо старика проясняется. На лице у девушки преувеличенно высокомерное и жестокое выражение. Она грубо натягивает парик ему на голову. Старик достает из кармана букетик искусственных цветов и собирается предложить девушке. Девушка ударом плети выбивает цветы из его рук. Лицо старика сияет от радости. Совсем рядом раздается пулеметная очередь. Старик дотрагивается до парика.

С т а р и к. А вши есть?

Д е в у ш к а (развязно). Есть, есть!

КАРТИНА ПЯТАЯ

Комната Ирмы — та же, что и в первых четырех картинах, но богато обставленная. Та же люстра. Со сводчатого потолка спускаются кружевные занавески. Три кресла. Рядом с большим окном находится аппарат, с помощью которого Ирма может наблюдать за происходящим в салонах. Справа и слева — по двери. Ирма, сидя за туалетным столиком, пересчитывает деньги. Ей по-

могает Кармен. Слышны пулеметные выстрелы.

К а р м е н (считает). Епископ... две тысячи... судья... две тысячи... (Поднимает голову). Начальник полиции еще не пришел.

И р м а (раздраженно). Он обещал прийти, если что-нибудь случится... а сам...

К а р м е н (продолжает считать). Две тысячи от генерала... две от матроса... три от студента... Молоко-сос!

И р м а. Кармен, сколько раз я говорила, что к посетителям следует относиться с должным уважением. С ува-же-ни-ем! Я даже себе... (Она делает ударение на этом слове). ...даже себе не позволяю ничего подобного...

Она перегибает в руке несколько новых тысяче-франковых банкнот и хрустит ими.

К а р м е н (оборачивается и пристально смотрит на Ирму. Грубо). Еще бы! Деньги требуют уважения.

И р м а (примирительно). Ну и глаза! Но надо быть справедливой. В последнее время ты явно чем-то недово-льна. Если будешь реагировать на происходящее подоб-ным образом, только нервы себе испортишь. Со време-нем все уладится, все станет на свое место. Госпо-дин Жорж...

К а р м е н (прежним тоном). Ну конечно, господин Жорж...

И р м а. Не будь его, мы бы вечно оказывались в затруд-нительных положениях. Ты тоже... в той степени, в какой связана со мной. И с ним. (Продолжительное молчание). Меня очень волнует твой грустный вид. (Тонем классной дамы). Кармен, ты очень изменилась. И это изменение совпадает с началом мятежа.

К а р м е н. Мадам Ирма, я могу быть свободной?

И р м а (в замешательстве). Подожди... Я доверила тебе всю мою бухгалтерию. Когда ты сядешь за этот стол, вся моя жизнь перед тобой. У меня нет от тебя ника-ких секретов. Чем ты недовольна?

К а р м е н. Весьма признательна вам за такое доверие, но...

И р м а. Что но? (Кармен молчит). Кармен, вспомни, как ты поднялась на заснеженный холм и остановилась возле куста искусственных роз... Кстати, надо будет снести его в погреб... и как, увидав тебя, чудесно исцеленный потерял сознание... Кармен, неужели ты не относишься к этому всерьез?

Короткая пауза.

К а р м е н. Мадам Ирма, вы запретили нам разговаривать на темы, не относящиеся непосредственно к сеансам. Наши подлинные чувства вам совершенно не известны. Вы— наша хозяйка и только издали наблюдаете за всем происходящим... но если бы вы один-единственный раз одели мое платье с голубой фатой, или превратились в полураздетую монахиню, или в генеральскую кобылу, или в крестьянку, опрокинутую в солому...

И р м а (шокированная). Я?

К а р м е н. ...или в горничную в розовом переднике, или в графиню, лишенную девственности сержантом... да что толку перечислять!— вот тогда бы вы узнали, что творится в наших душах... Но вы запрещаете говорить нам об этом. Вы боитесь иронии, насмешек, шуток...

И р м а (очень строго). Ты права, шуток я не позволю. Внезапный смех и даже улыбка способны испортить все дело. Улыбка— это сомнение. А клиентам нужны серьезные церемонии... Со слезами... со стонами... В моем доме не место шуткам! (Пауза). Вы можете, скажем, играть в карты.

Раздается звонок. Ирма поднимается и идет налево к аппарату, снабженному окуляром, слуховой трубкой и множеством рычагов. Продолжая говорить, она нажимает на один из рычагов и заглядывает в окуляр.

И р м а (не глядя на Кармен). Стоит мне спросить о чем-нибудь, касающемся лично тебя, как ты сразу замыкаешься и переводишь разговор на свою дочь. Неужели ты до сих пор не отказалась от мысли навещать ее? Ведь между этим домом и домом ее кормилицы— огонь, вода и медные трубы. И мятеж впридачу. По-моему...

Опять звонок. Ирма поднимает один рычаг и опускает другой.

И р м а. ...по-моему, господин Жорж уже в пути. Он— начальник полиции, он сумеет себя защитить. Жоржик— настоящий пройдоха.

Она смотрит на часы, которые достает из-за корсажа.

И р м а. Опаздывает. (Беспокойно). А может быть он испугался? Пройдоха и трусишка!

К а р м е н. Чтобы попасть в ваши салоны, эти господа забывают про всякий страх и готовы пойти на пулемет. А я, чтобы повидать свою собственную дочь...

И р м а. Забывают про страх? Ну нет, страх у них остается, он-то их и возбуждает. Перед ними стена из огня и железа, а из-за стены доносится острый запах оргии. Давай займемся деньгами.

К а р м е н (помолчав). Если не считать матроса и случайных прохожих, получается тридцать две тысячи.

И р м а. Чем больше людей убивают друг друга в предместьях, тем больше мужчин появляется в моих салонах.

К а р м е н. Мужчин?

И р м а (помолчав). Конечно. Их привлекают мои люстры и зеркала. Некоторым из них, впрочем, женщин заменяет революция.

К а р м е н. Женщин?

И р м а. А как прикажешь вас называть? Вы, правда, бесплодны, но если бы вас здесь не было...

К а р м е н (заискивает). Мадам Ирма, у вас есть свои праздники.

- И р м а. Моя грусть и меланхолия— порождения этой ледяной игры. Хотя, действительно, я не лишена кое-каких безделушек. (Задумчиво). Мои праздники... ты...
- К а р м е н. Можете не надеяться, хозяйка. У меня есть дочь, она меня любит.
- И р м а. И ты, словно сказочная заморская принцесса, приходишь к ней с игрушками в руках. Наверное, она думает, что ты живешь на небе. Представить только, что мой бордель, ад крошечный, кому-то кажется небом! Небо твоей дочери— здесь. (Смеется). Со временем, надо думать, ты сделаешь из нее шлюху?
- К а р м е н. Мадам Ирма!
- И р м а. Ну конечно! Только не думай, пожалуйста, что я— жестокая. Этот мятеж и мне изрядно расшатал нервышки. Знала бы ты, какой страх и панику я временами испытываю. Порой мне кажется, что мятежникам нужен не столько Королевский дворец, сколько мои салоны. Кармен, я боюсь! Я уже все испробовала, даже молилась... (Виновато улыбаясь). Как тот, чудесно исцеленный... Я причиняю тебе боль?
- К а р м е н (решительно). Два раза в неделю, во вторник и пятницу, я должна представлять перед бухгалтером лионского банка в образе Непорочной Девы. Для вас это деньги в кассе и оправдание борделя, а для меня...
- И р м а (удивленно). Не ведь ты сама согласилась. И, кажется, не была огорчена.
- К а р м е н. Я была довольна.
- И р м а. Так в чем же дело?
- К а р м е н. В том, какое воздействие я оказываю на этого бухгалтера. Его страх, пот, хрипы...
- И р м а. Довольно. (Пауза). Почему он не приходит? Наверное, попал в какой-нибудь переplet. Или жена пронохла. (Пауза). Или убит. Почему ты перестала считать?
- К а р м е н. Ваша бухгалтерия— ничто, по сравнению с моим богоявлением. Оно не менее подлинное, чем

лурдское чудо. (Пауза). Теперь я вся устремлена к своей дочери. Подумайте только, мадам Ирма, она— в настоящем саду!

И р м а. Ты к ней не попадешь, а от сада скоро ничего не останется.

К а р м е н. Замолчите!

И р м а (безжалостно). Город забит трупами. Все дороги отрезаны. К мятежникам присоединились крестьяне. Почему? Непонятно. Наверное, заразились. Мятеж— это эпидемия. Неизбежная и святая эпидемия. Когда мятеж охватит весь город, мы окажемся совершенно отрезанными от мира. Мятежники покушаются на духовенство, армию, правительство и на меня, хозяйку публичного дома. Ты погибнешь со вспоротым животом, а твою дочь удочерит какой-нибудь добросердечный революционер.

Внезапно раздается звонок. Ирма торопливо подходит к аппарату.

И р м а. Салон Песков, номер двадцать четыре.

Она пристально смотрит в окуляр. Продолжительное молчание.

К а р м е н (садится за туалетный столик и снова принимается за подсчеты). (Не поднимая головы). Наверное, легионер?

И р м а (не отрываясь от аппарата). Да. Герой-легионер, умирающий в пустыне. Рахиль, дуручка, воткнула ему в ухо стрелу. Так и изуродовать недолго. (Пауза). Какое вс-таки идиотское желание: не просто умереть, а непременно от руки араба, и обязательно на куче песка!

Молчание. Ирма продолжает наблюдать.

И р м а. Рахиль ухаживает за ним. Делает перевязку. Какое у нее счастливое лицо! (С интересом). Кажется, ему это нравится. Думаю, что в ближайшее время он изменит сценарий, и в следующий раз будет

умирать в военном госпитале, а она станет сестрой милосердия. Придется покупать новые костюмы. Опять расходы! (Обеспокоенно). А вот это мне не нравится. Совсем не нравится. Рахиль с каждым днем беспокоит меня все больше и больше. Как бы она не выкинула фокус, который выкинула Шанталь. (Поворачивается к Кармен). Кстати, у тебя есть новости о Шанталь?

К а р м е н. Никаких.

И р м а (отрываясь от аппарата). Эта чертова машина совсем испортилась! Что он ей говорит? Объясняет что-то... она слушает... кивает головой... он тоже...

Звонок. Ирма нажимает на другой рычаг и смотрит в окуляр.

И р м а. Это водопроводчик.

К а р м е н. Какой?

И р м а. Настоящий.

К а р м е н. То есть как?

И р м а. Ну тот, что чинит краны.

К а р м е н. А ненастоящий?

И р м а (пожимает плечами и опускает вниз первый рычаг).

Ага, так я и думала: пара капель крови из уха его возбудили. Ему хочется ласки. А завтра он наберется смелости...

К а р м е н. Он женат?

И р м а. Не очень-то я люблю распространяться о частной жизни своих клиентов. Всем известно, что "Балкон" не только лучший, но и самый честный дом иллюзий.

К а р м е н. Честный?

И р м а. Ну, неболтливый. Впрочем, тебе скажу: почти все клиенты женаты.

Молчание.

К а р м е н (задумчиво). Интересно, когда они занимаются любовью с женой, находят ли они в этой любви хоть крошечный отголосок того праздника, который праздновали в борделе?

И р м а (с укоризной). Кармен!

К а р м е н. Прошу прощения... в доме иллюзий. Сохраняют ли они, хоть где-то в уголке памяти, воспоминание о празднике в доме иллюзий, ощущают ли его присутствие?..

И р м а. Может быть. Как случайно уцелевший праздничный фонарик в ожидании следующего праздника. Или, если угодно, как тусклый свет в окне темного замка, который в праздничный вечер загорится всеми огнями... (Пулеметная очередь). Слышишь? Все ближе и ближе. Они явно хотят нас разгромить.

К а р м е н (продолжая свою мысль). Как, наверно, приятно это воспоминание...

Молчание.

И р м а (испуганно). Наш дом могут окружить до того, как сюда придет господин Жорж... Не забывай, если хочешь уцелеть, что стены здесь тонкие. Отсюда слышно все, что происходит на улице. Значит, и с улицы слышно все, что происходит здесь...

К а р м е н (по-прежнему задумчиво). Как хорошо, наверное, жить в настоящем доме.

И р м а. Не знаю. (Пауза). Кармен, если все мои девушки будут размышлять о подобных вещах, этому дому придет конец. Мне кажется, что твоя нынешняя роль тебе не по сердцу. Но я могу тебе кое-что предложить. Правда я уже обещала Регине, но если ты захочешь... Вчера мне заказали святую Терезу... (Молчание). Конечно, после Непорочной Девы... но все-таки это не так плохо. (Молчание). Почему ты молчишь? Заказчик — банкир, вполне пристойный мужчина. И главное, не капризный. Ты согласна? При условии, что мятеж будет подавлен.

К а р м е н. Мне так нравится мое платье, и фата, и куст роз.

И р м а. У святой Терезы тоже будут розы. Подумай..

Молчание.

К а р м е н. А что будет подлинным?

И р м а. Кольцо. Обручальное кольцо. Ведь монахиня-Христова невеста, а кольцо- символ этого союза.

Кармен удивлена.

И р м а. Да. Благодаря кольцу он будет знать, что имеет дело с настоящей монахиней. (Пауза). Ты согласна? Твоя кротость придется ему по душе. Он будет доволен.

К а р м е н. Вы очень добры, мадам Ирма. Вы так заботитесь о нем.

И р м а. Не о нем, а о тебе.

К а р м е н. Вы очень добры, я не смеюсь. Ваш дом приносит им утешение. Вы устраиваете для них подпольный театр... Вы- на земле, доказательство чему- ваша прибыль. Едва закончив, они вынуждены начинать все сначала.

И р м а. К счастью для меня.

К а р м е н. ...все сначала... и вновь их ожидает одно и то же приключение, которое они не хотят избегать.

И р м а. Ты ничего не понимаешь. Я гляжу на все их глазами: подобное приключение возвращает им ясность духа. К ним возвращаются математические способности. Они снова могут любить своих детей и родину. Как ты.

К а р м е н (горделиво). Я- дочь генерала...

И р м а. Знаю. Но скажи мне: что такое генерал, епископ или судьба в жизни?..

К а р м е н. О ком вы говорите?

И р м а. О настоящих.

К а р м е н. Каких настоящих? Тех, что у нас?

И р м а. Нет, о других. Так вот слушай: в жизни они- подпорки балагана, вбитые в грязь реальности и повседневности. Только у нас Видимость сохраняет свою чистоту, и Праздники проходят безупречно.

К а р м е н. Праздники, которые я устраиваю себе...

И р м а (перебивая ее). Ты забываешь про их праздники.

К а р м е н. Вы ставите мне это в упрек?

И р м а. А их праздники- забвение о твоих. Они тоже

любят детей.

Снова звонок. Ирма, которая по-прежнему сидит у аппарата, поворачивается, наклоняется к окуляру и подносит к уху слуховую трубку. Кармен вновь принимается за подсчеты.

К а р м е н (не поднимая головы). Начальник полиции?

И р м а. Нет. Офицант из ресторана. Так-так... он сердится... приходит в ярость... Эльяна подает ему белый передник...

К а р м е н. Я предупреждала, что он хотел розовый.

И р м а. Сходи завтра на базар, если будут торговать.

И заодно купи перину для служащего. Зеленую.

К а р м е н. Только бы Эльяна не забыла швырнуть чайные на пол. Ему нужен настоящий бунт. И грязные стаканы.

И р м а. Все хотят, чтобы все было самым настоящим...

Как можно меньше неопределенности, которую можно воспринять как свидетельство неподлинности. (Другим тоном). Кармен, хотя я и назвала это заведение "домом иллюзий", я в нем не более, чем хозяйка, и всякий, кому не лень, звонит сюда, приходит и приносит свой собственный сценарий. А мне остается одно: сдавать в аренду помещение и поставлять актрис и бутафорию. Но все же я сумела оторвать свой дом от земли. Ты понимаешь, что я имею в виду. Я запустила его в небо— и он взлетел. Он летит. Или, если хочешь, парит. Он парит в небе, увлекая за собой меня и тебя... Милая!... позволь мне тебя так называть— каждая дама, вроде меня, испытывает традиционную склонность к одной из своих девушек...

К а р м е н. Я это уже заметила, мадам... Мне иногда кажется, что я... (Она пристально смотрит на обесилевшую Ирму).

И р м а. (поднимаясь). Кармен, я смущена... (Продолжительное молчание). Вернемся к нашему разговору.

Так вот, милая, мой дом покинул землю, он парит в небе, и, тем не менее, в глубине души я прекрасно понимаю, что я всего-навсего содержательница публичного дома. То и дело повторяю себе в тишине: Ты-сводница, ты-хозяйка борделя... и ничего больше! (С неожиданным пафосом). Все летит... все проносится мимо... зеркала, люстры, ковры... мои знаменитые салоны... салон Трав с пасторальными гобеленами... салон Пыток, стены и пол которого залиты кровью и слезами... Тронный зал, драпированный бархатом с геральдическими лилиями... салон Зеркал... Праздничный салон... салон Фонтанов... салон-Писсуар... салон Амфитриды... салон Лунного света... и все они летят, летят... Ах да, я забыла салон Нищих, с его роскошной бедностью и блистательным несчастьем... Салоны, девушки, зеркала... (Спохватившись). Ну и, конечно, прекраснейший из них, моя жемчужина, подлинный перл создания! - Погребальный салон, с его мраморными урнами, салон-гробница, салон-мавзолей!.. Все летит: салоны, девушки, зеркала, люстры, кружева, балкон... все летит и увлекает меня за собой...

Продолжительное молчание. Обе женщины неподвижно стоят друг против друга.

К а р м е н. Как вы красиво говорите!

И р м а (скромно). У меня диплом об окончании лицея.

К а р м е н. Так я и думала. Мой отец, артиллерийский генерал...

И р м а (с укоризной поправляя). Кавалерийский!

К а р м е н. Да-да. Прошу прощения. Так вот, мой отец, кавалерийский генерал, тоже хотел дать мне образование. Увы! увy! из этого ничего не вышло. А вот вам в жизни повезло. Вы сумели воздвигнуть вокруг себя роскошный театр, блестящий праздник, великолепие которого от всех скрываете. Вы не можете жить без этой роскоши. Только я оставалась

всегда собой, и всегда буду собой оставаться!
 Но нет, мадам! Облегчая своими пороками людские несчастья, я тоже порой переживаю минуты славы и торжества. Вы видели, наверное, сегодня в своем аппарате, как я, величественная и милосердная, материнская и девственная, стою возле куста бумажных роз, наступив ногой на змею из папье-маше, а передо мной распростерся на коленях бухгалтер лионского банка, который падает при моем приближении в обморок. Жаль, что он повернулся к объективу спиной, и вы не смогли увидеть выражение его глаз, как не услышали взволнованный стук моего сердца. Моя голубая фата, голубое платье, голубой передник, голубые глаза...

Ирма. Карие!

Кармен. Сегодня — голубые. Я сошла для него с небес, он был испанцем, который молился мадонне и давал ей обеты. Он пел мне, он был без ума от моего голубого платья, и в этом платье увлек меня на кровать... Но я уже не была видимостью.

Ирма. Я предлагаю тебе стать святой Терезой.

Кармен. Мадам Ирма, я к этому еще не готова. Необходимо предварительно узнать все желания и требования клиента.

Ирма. Прошу прощения, но всякая уважающая себя проститутка должна уметь справиться с любой ситуацией.

Кармен. Хозяйка, из всех ваших проституток я — одна из лучших. За один вечер я в состоянии...

Ирма. О твоих достижениях мне известно. Только зря ты сердилась, услышав слово "проститутка", и начинаешь повторять его, словно... словно... (Она подыскивает нужное слово)... словно для украшения... Я употребила его для обозначения определенной профессии, не более того. Впрочем, дорогая, ты права, превращая свою профессию в свою честь. Пусть она ярко блестит и озаряет тебя, раз ничего другого больше нет. (Мягко). Я сделаю все, чтобы тебе помочь... Мало того, что ты — настоящее сокровище

среди моих девушек, ты, к тому же, предмет моей привязанности. Не оставляй меня! Неужели ты сможешь покинуть меня в то время, когда все вокруг разваливается? Смерть, во всей ее доподлинности, бродит под моими окнами, стоит под дверью...

Пулеметная очередь.

И р м а. Слышишь?

К а р м е н. Наша армия храбро сражается.

И р м а. Мятежники сражаются еще храбрее. Наш дом стоит у стен собора, в двух шагах от монастыря, и даже, если им не нужна моя голова, они, конечно, знают, что меня посещают самые высокопоставленные особы. Следовательно, они имеют против меня зуб. А в доме ни одного мужчины.

К а р м е н. А господин Артур?

И р м а. Ты что, смеешься? Разве это мужчина? Одна бутафория. К тому же, после окончания сеанса я отошлю его на розыски господина Жоржа.

К а р м е н. Если случится самое худшее...

И р м а. Если мятежники победят - я пропала. У этих ребят нет ни капли воображения. Они добродетельны, а возможно и целомудренны.

К а р м е н. Ничего, разврату научиться нетрудно. Стоит им немного поскучать...

И р м а. Ошибаешься. Они не умеют скучать. Я подвергаюсь очень большой опасности, в то время, как вам, девушкам, ничего не угрожает. В любой революции найдется место для экзальтированной шлюхи, которая с пением "Марсельезы" обретает девственность. Ты ей и станешь. Остальные будут поить водой умирающих. Потом... потом вы все повыходите замуж. Тебе хочется замуж?

К а р м е н. Свадебная фата... цветы...

И р м а. Bravo! Bravo, моя распутница! Выйти замуж для тебя значит: переодеться в другое платье. Золотце, ты - исконный обитатель нашего мира. Я не собираюсь выдавать тебя замуж. К тому же нас всех по-

просту могут убить. Кармен, что за прекрасная смерть нас ожидает! Она будет зловещей и роскошной. Мятежники ворвутся в салоны, разобьют хрусталь, разорвут в клочки бархат, а нам выпустят кишки...

К а р м е н. Они нас пожалеют.

И р м а. Ошибаешься. Яростью толкнет их на кощунство. В касках и фуражках, в сапогах и башмаках, в растегнутых одеждах, они ворвутся сюда и расправятся с нами свинцом и железом. Это будет красиво. Не знаю, стоит ли мечтать о другой смерти, стоит ли бежать...

К а р м е н. Но, мадам Ирма...

И р м а. В то время, как когда наш дом готов вспыхнуть ярким пламенем, а роза склоняется под нож, ты, Кармен, готовишься к бегству!

К а р м е н. Вам прекрасно известно, почему мне необходимо уйти.

И р м а. Твоя дочь мертва...

К а р м е н. Мадам!

И р м а. Мертвая или живая, она все-равно мертва. Подумай о ее могилке в глубине сада... ты всегда можешь носить этот сад в глубине своего сердца... и украшать могилку венками и маргаритками...

К а р м е н. Мне хочется повидать ее!

И р м а (заканчивая фразу). ...и хранить ее образ в образе сада, а сад — в сердце, под пылающей одеждой святой Терезы. Ты колеблешься? Я предлагаю тебе лучшую из смертей, а ты еще раздумываешь... Неужели боишься?

К а р м е н. Вы прекрасно знаете, насколько я к вам привязана.

И р м а. Я научила тебя считать! Вспомни, какие чудные вечера мы проводили за нашей учебой...

К а р м е н (тихо). Война порождает ярость. Вы говорили: они — дикая орда.

И р м а (торжественно). Правильно, орда. Но и у нас есть армия, полиция, добровольцы, корабли, трубацы, барабанщики, гербы, знамена... Смерть? Она

неизбежна, но какая она? (Меланхолично). Ах, если бы у Жоржа была еще власть... Если бы он смог пройти сквозь эту орду и спасти нас... (Тяжело вздыхает). Помогите мне переодеться. Но прежде я еще разок взгляну на Рахиль.

В это время раздается звонок. Ирма наклоняется к окуляру.

И р м а. Благодаря этому аппарату, мне прекрасно все видно. И даже слышны их вздохи. (Молчание). (Она смотрит). Христос явился с собственным снаряжением. Не могу понять, почему он требует, чтобы его привязывали к кресту именно той веревкой, которую он приносит с собой? Может быть, она священна? Впрочем, плевать! Посмотрим на Рахиль. (Нажимает на один из рычагов). Ах, они уже кончили. Раскладывают по местам лук, стрелы, бинты... Разговаривают... Что-то не нравится мне, как они глядят друг на друга: больно уж понимающие взгляды! (Поворачивается к Кармен). Вот где главная опасность! Стоит моим клиентам начать дружески улыбаться девушкам, подмигивать им, награждать тумаками и блистать остроумием, как сразу наступит крах. Лучше бы они влюблялись. (Она машинально нажимает на какой-то рычаг и кладет слуховую трубку на место. Задумчиво). Артур закончил сеанс. Сейчас, наверное, придет. Переодень меня.

К а р м е н. Во что?

И р м а. В кремовый халат.

Кармен открывает стеной шкаф и достает из него халат. Ирма тем временем расстегивает жакет.

И р м а. Кармен!

К а р м е н. Да, мадам?

И р м а. Тебе что-нибудь известно о Шанталь?

К а р м е н. Я велела всем девушкам: Розине, Эльяне, Флоренсии, Марлизе, написать донесения. Могу их вам

показать. Ничего особенного. В мирное время шпионить было куда легче. Знаешь хоть, кто за кого. А сейчас — нет. Все настолько неопределенно, никогда не поймешь толком: кто за кем шпионит. И вообще, шпионит ли. О Шантель пока ничего не известно. Неизвестно даже, жива она или нет.

И р м а. Скажи, а у тебя самой не было колебаний?

К а р м е н. Никаких. Попастъ в публичный дом значило для меня: отвергнуть обычный мир. Я здесь, и здесь я останусь. Моя реальность — ваши зеркала, приказания и страсти. Драгоценности будете надевать?

И р м а. Бриллианты. Драгоценности — единственное, что у меня есть настоящего. Я знаю, что все остальное — подделка, и в своих драгоценностях нахожу то же самое, что ты в своей дочери в саду. А кто из них шпионит? Тебе известно?

К а р м е н. Девушки не очень мне доверяют. У меня есть их донесения, я отдам их вам, вы передадите в полицию, а там проверят... Лично мне ничего не известно.

И р м а. Какая ты осторожная! Подай платок.

К а р м е н (протягивая кружевной платок). Отсюда, где мужчины так легко обнажаются и открывают свои души, жизнь кажется мне такой же далекой и нереальной, как кинофильм или рождество Христово. Когда клиент настолько забывается, что говорит: "Завтра вечером будем брать арсенал", — у меня возникает впечатление, будто я читаю непристойную надпись. Его действия тоже становятся какими-то невероятными, чудовищными, вроде тех, что мальчишки рисуют на стенах. Нет, я не осторожная.

Стук в дверь. Ирма вздрагивает. Она бросается к аппарату и, нажав на кнопку, прячет его в стену. В течение последующей сцены с Артуром, Кармен помогает Ирме переодеваться. Переодевание заканчивается как раз к приходу начальника полиции.

И р м а. Войдите!

Дверь открывается. Входит палац, которого отныне мы будем звать Артуром. На нем обычный костюм сутенера, белая шляпа и т.д. Он завязывает на ходу галстук. Ирма пристально смотрит на него.

И р м а. Сеанс окончен? Быстро он сегодня управился.

А р т у р. Да, старикан одевается. Два сеанса за полчаса. Интересно, как он доберется до своей гостиницы? На улице перестрелка. (Передразнивает судьбу из второй картины). Тебя судит Минос... Минос тебя взвешивает... Цербер!.. Р-р-р-гав! (Оскаливает зубы и смеется). Начальник полиции так и не пришел?

И р м а. Не слишком ли ты усердствуешь своей плеткой? В прошлый раз бедной девочке пришлось два дня отлеживаться в постели.

Кармен приносит кружевной пеньвар. Ирма остается в нижней рубашке.

А р т у р. Она получает то, что ей причитается: монетой и плетью. Получено по счету! Банкир требует исполосованную спину, вот я и полосую.

И р м а. Надеюсь, ты хоть не получаешь от этого удовольствия?

А р т у р (надменно). Только не с ней! Работа есть работа. Я делаю то, что мне положено делать.

И р м а (властно). Не собираюсь тебя к ней ревновать, но мне совсем не нравится, что ты выводимь из строя мой персонал, заменять который становится все труднее.

А р т у р. Пару раз пробовал разрисовать ей спину лиловой краской, но из этого ничего не вышло. Старикан все заметил, и теперь проверяет перед каждым сеансом.

И р м а. Краской? А кто тебе позволил? (Кармен). Принеси

туфли, милая.

А р т у р (пожимая плечами). Собственная глупость. Показалось, что может сойти. Но теперь, будьте уверены, я секу ее по-настоящему, и она вопит во все горло...

И р м а. Попроси ее кричать потише. Я не желаю, чтобы вас слышал весь дом.

А р т у р. По радио передали, что сегодня ночью мятежники заняли все северные кварталы. Судья любит, когда кричат. Епископ в этом отношении гораздо спокойнее. Он довольствуется отпущением грехов.

К а р м е н. Но сперва требует, чтобы их совершили. Иначе нечего будет отпущать. Именно в этом и состоит его счастье. По мне лучше тот, кто велит вязать и сесть.

А р т у р. А кто его успокаивает? Ты?

К а р м е н (сухо). Я вполне справляюсь со своими профессиональными обязанностями. Кроме того, господин Артур, костюм, который вы носите, не дает вам никаких повода к шуткам. Палац может ухмыляться, но не улыбаться.

И р м а. Она права.

А р т у р. Ты подсчитала выручку?

И р м а. Мы с Кармен еще не кончили.

А р т у р. По моим расчетам получается тысяч двадцать.

И р м а. Не бойся, не обману.

А р т у р. Я верю тебе, солнышко, но это сильнее меня: в моей голове правят числа. Двадцать тысяч! Война, мятеж, холод, снег, дождь, грязь /- ничто им не мешает! Скорее наоборот. Они убивают друг друга на стороне, а потом прибегают сюда. А ты, золотце, здесь, дома... и не будь тебя...

И р м а (внезапно). Ты бы полез от страха в погреб!

А р т у р (двусмысленно). Радость моя, я поступил бы точно так, как все. Будем надеяться, что нас спасет начальник полиции. Ты еще не забыла, какой процент мне причитается?

И р м а. Получишь, когда надо будет.

А р т у р. Золотце мое! Я заказал себе шелковую рубашку. И знаешь какого цвета? Как твоя лиловая комбинация.

И р м а. (растроганно). Ну ладно, довольно. (Указывая на Кармен). Мы не одни.

А р т у р. Так как, согласна?

И р м а (тихо). Да.

А р т у р. Сколько?

И р м а (взяв себя в руки). Посмотрим. Мы с Кармен еще не кончили подсчеты (Ласково). Сколько смогу, столько и дам. А сейчас тебе необходимо сходить встретить Жоржа.

А р т у р (дерзко). Что ты говоришь, дорогая?

И р м а (сухо). Я говорю, что ~~вряд ли~~ сейчас ты пойдешь и встретишь господина Жоржа. Если понадобится — отправляйся в полицию и передай ему, что я надеюсь только на него одного.

А р т у р (обеспокоенно). Надеюсь, ты шутишь?

И р м а (неожиданно очень властно). Ты что, не понимаешь? Я больше не играю. Или, если угодно, играю свою старую роль. И нечего изображать из себя злостного и нежного палача. Делай то, что тебе приказано, но прежде освежи меня немного. (Кармен, которая держит пульвелизатор). Дай ему. (Артуру).
Стань на колени.

А р т у р (опускается на колени и опрыскивает Ирму). Я?.. На улицу?.. Один?..

И р м а (стоя перед ним). Нужно узнать, что случилось с Жоржем. Я не могу оставаться без защиты.

А р т у р. А я?

И р м а (пожимая плечами). Мои драгоценности, салоны, девушки... все это нуждается в защите. Начальник полиции уже полчаса как должен быть здесь.

А р т у р (плаксиво). На улицу?.. Но ведь там стреляют... Посмотри, как я одет. В такой одежде сидят дома, прогуливаются по коридорам, смотрят на себя в зеркало... Единственная моя защита — шелковая рубашка.

И р м а (Кармен). Кармен, подай браслеты. (Артуру). По-

чему ты перестал брызгать?

А р т у р. Я не создан для внешнего мира. Я уже давно безвыходно живу в этих четырех стенах... Моя кожа не выносит открытого воздуха... Ах, если бы у меня была вуаль!.. Меня могут узлать.

И р м а (поворачиваясь перед пульвелизатором. Сердито).
Иди вдоль стены. (Пауза). Можешь взять с собой ре-
вольвер.

А р т у р (испуганно). Револьвер?

И р м а. Спрячь его в карман.

А р т у р. Спрятать? А вдруг мне придется стрелять?

И р м а (нежно). Ты обедал?

А р т у р. Обедал. (Пауза). Если я выйду на улицу...

И р м а (властно, хотя и с нежностью). Ты прав. Оставь
револьвер. И сними шляпу. Пойдешь вдоль стены, как
я тебе сказала, а когда вернешься— все расскажешь.
Вечером у тебя сеанс. Не забыл?

Артур снимает шляпу и отбрасывает ее в сторону.

А р т у р (направляясь к двери). Как, еще один? Сегодня?
Кем я должен быть?

И р м а. Разве тебе не сказали? Трупом.

А р т у р (с отвращением). А что я должен делать?

И р м а. Ничего. Просто лежать неподвижно. Потом тебя
похоронят. Можешь даже спать.

А р т у р. Ладно. Все понятно. А кто клиент? Из новых,
наверное?

И р м а (загадочно). Одна высокопоставленная персона.
Но лучше ни о чем не спрашивай. Иди.

А р т у р (направляется к двери, но перед дверью оста-
навливается. Робко). Ты меня поцелуешь перед уxo-
дом?

И р м а. Когда вернешься. Если вернешься.

Артур уходит. В ту же секунду дверь справа
без стука открывается и входит начальник
полиции. Тяжелая меховая шуба. Шляпа. Сига-
ра. Кармен делает движение, чтобы вернуть
Артура, но начальник полиции останавливает ее.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Нет, нет, Кармен, останьтесь. Мне приятно видеть вас в этой комнате. А мальчик пусть немного поищет меня, это ему полезно.

По-прежнему в шубе, шляпе и с сигарой, он подходит к Ирме, наклоняется и целует ей руку.

И р м а (подавленно). Положите вашу руку сюда. (Указывает себе на грудь). Я так встревожена. Слышите, как бьется? Я знала, что вы в пути и подвергаетесь опасности. Я вся дрожу...

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. (снимая шубу, перчатки и пиджак). Оставим это. Не надо играть. Положение действительно серьезное. К счастью еще не безнадежное, но может таким стать. Королева скрылась. Город, по которому мне чудом удалось пробраться, в огне и крови. Их мятеж, радостный и трагический, — полная противоположность этому дому, где все подобно медленному умиранию. Так вот, сегодня я ставлю на карту все. Или окажусь в могиле, или на пьедестале. Отсюда следует, что ни моя любовь к вам, ни даже страсть не играют сейчас никакого значения. Как обстоят дела в доме?

И р м а. Превосходно. Несколько важных клиентов.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и (нетерпеливо). Как они выглядят?

И р м а. Спроси у Кармен. Она умеет описывать.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Говори, Кармен. Кто они?

К а р м е н. Ну как вам сказать, сударь. Столпы нашей империи.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Наши символы и аллегории... ходячие гербы... Чем они занимаются?

К а р м е н. Кто чем. (Начальник полиции заинтригован). Один, например, изображает ребенка, которого вынорили и поставили в угол... а после того, как он вдоволь наревелся — успокаивают и баюкают...

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Нет, нет, Кармен, останьтесь. Мне приятно видеть вас в этой комнате. А мальчик пусть немного пощипет меня, это ему полезно.

По-прежнему в шубе, шляпе и с сигарой, он подходит к Ирме, наклоняется и целует ей руку.

И р м а (подавленно). Положите вашу руку сюда. (Указывает себе на грудь). Я так встревожена. Слышите, как бьется? Я знала, что вы в пути и подвергаетесь опасности. Я вся дрожу...

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. (снимая шубу, перчатки и пиджак). Оставим это. Не надо играть. Положение действительно серьезное. К счастью еще не безнадежное, но может таким стать. Королева скрылась. Город, по которому мне чудом удалось пробраться, в огне и крови. Их мятеж, радостный и трагический, — полная противоположность этому дому, где все подобно медленному умиранию. Так вот, сегодня я ставлю на карту все. Или окажусь в могиле, или на пьедестале. Отсюда следует, что ни моя любовь к вам, ни даже страсть не играют сейчас никакого значения. Как обстоят дела в доме?

И р м а. Превосходно. Несколько важных клиентов.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и (нетерпеливо). Как они выглядят?

И р м а. Спроси у Кармен. Она умеет описывать.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Говори, Кармен. Кто они?

К а р м е н. Ну как вам сказать, сударь. Столпы нашей империи.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Наши символы и аллегории... ходячие гербы... Чем они занимаются?

К а р м е н. Кто чем. (Начальник полиции заинтригован). Один, например, изображает ребенка, которого выпролили и поставили в угол... а после того, как он вдоволь наревелся — успокаивают и баюкают...

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и (нетерпеливо). Ну, ладно...

К а р м е н. Он такой славный! И очень печальный.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Это все?

К а р м е н. Удивительно милый ребенок...

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и (приходит в ярость).

Кармен, ты что, смеешься надо мной? Я хочу узнать, есть ли там- я?

К а р м е н. Есть ли там вы?

И р м а (насмешливо, ни к кому не обращаясь). Вас там нет.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Еще нет? (Кармен). Я хочу знать, есть ли в вашем доме мой образ.

К а р м е н (не понимая). Ваш образ?

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Ну да, да. Дура! Образ начальника полиции!

Подавленное молчание.

И р м а. Еще не пришло время. Милый, ваша должность лишена того благородства, которое способно утешить наших мечтателей. Надо думать, что в этом виноваты ваши великие предшественники. Ничего не поделаешь, дорогой, ваш образ еще не вписывается в рамки публичного дома.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. А чей же тогда вписывается?

И р м а (чуть недовольно). Ты и сам знаешь, у тебя имеются все досье. (Она загибает пальцы). Два короля Франции с придворными ритуалами и церемониями, адмирал, проливающий слезы на борту своего миноносца, алжирский бей, сдавшийся в плен, пожарный в борьбе с огнем, служанка, возвращающаяся с рынка, вор, пойманный на месте преступления, святой Себастьян, привязанный к столбу, фермер на току... и ни одного начальника полиции... как, впрочем, ни одного губернатора колонии... зато есть миссионер, умирающий на кресте, и даже сам Иисус Христос...

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и (помолчав). Ты забыла про инженера.

И р м а. Он больше сюда не ходит. Его собирались посадить в тюрьму, но это не помешало ему создать свою машину. И она работает. На заводе!

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Таким образом, среди всех твоих клиентов нет ни одного, который хотел бы... у которого было бы желание... хотя бы самое смутное...

И р м а. Ни одного. Я понимаю: вас одолевает злость и любовь. Вас тревожит слава.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и (с силой). Уверю тебя, мой образ растет с каждым днем. Он обретает гигантские размеры. Все вокруг вторит мне, все отражает меня и возвращается ко мне обратно. Только в твоём доме его до сих пор нет.

И р м а. Возможно, я просто об этом не знаю... и кто-нибудь проводит тайные церемонии...

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Обманщица! В каждой перегородке у тебя спрятан глазок для подглядывания! Что ни стена, что ни зеркало — то обман и подделка! Тебе слышны все стоны и вздохи. Тебе и без меня прекрасно известно, что все игры в борделе — это, в первую очередь, игры зеркал. (Очень грустно). Ни одного! Ну ничего, все равно я заставлю свой образ отделиться от меня и проникнуть в твои салоны, отразиться в твоих зеркалах, умножиться в них без конца. Ирма, моя должность тяготит меня. А здесь она предстает передо мной в устрашающих лучах наслаждения и смерти. (Задумчиво). Смерть...

И р м а. Милый Жорж, необходимо убивать.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Поверь мне, я делаю все, что могу. Меня боятся все больше и больше.

И р м а. Но пока недостаточно. Необходимо еще глубже погрузиться в ночь, в грязь, в кровь. (Неожиданно с тоской). И убить то, что осталось от нашей любви...

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и (отчетливо). Все умерло.

И р м а. Красивая победа. Тебе необходимо убивать вокруг себя.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и (раздраженно). Повторяю тебе, что я делаю все, что в моих силах. И одновременно стараюсь доказать нации, что я ее вождь, законодатель, создатель...

И р м а (с беспокойством). Ты бредишь. Даже, если ты действительно надеешься построить Империю, все равно— это бред.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и (убежденно). Мятах будет подавлен, и это сделаю я. И никто тогда не сможет остановить меня, возвеличенного нацией и призванного королевой. Вы одни знаете сейчас, кто я такой. (Мечтательно). Да, милая, я создам Империю... а Империя за это создаст мне...

И р м а. Гробницу.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и (несколько озадаченно). А почему бы и нет? У каждого завоевателя была своя гробница. Разве не так? (Восторженно). Александрия! Ирма, у меня будет своя гробница. И в тот момент, когда ее будут закладывать, ты будешь стоять в первых рядах...

И р м а. Очень тебе признательна. (Кармен). Кармен, принеси чаю.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и (Кармен, которая собирается выйти). Подожди минуту, Кармен. Что ты скажешь о моей идее?

К а р м е н. То, что вы собираетесь превратить свою жизнь в нескончаемые похороны.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и (вызывающе). А разве жизнь это что-нибудь другое? У тебя такой вид, словно ты все знаешь... Так научи меня. Что ты увидела в этом роскошном театре, где каждую минуту разыгрывают трагедию, или, как здесь говорят, устраивают церемонию?

К а р м е н (после некоторого колебания). Единственную вещь, действительно заслуживающую внимания: одежду, которая ни на кого не одета. Снятые стариками украшения наводят необычайную грусть. Это они украшают катафалки высокопоставленных чинов-

ников, хотя скрывают за собой одни трупы, трупы, продолжающие жить и умирать при жизни... и все-таки...

Ирма (Кармен). Господин начальник полиции спрашивает тебя не об этом...

Начальник полиции. Я люблю разговаривать с Кармен. (Кармен). Ты сказала: и все-таки...

Кармен. И все-таки, эта радость в их глазах, когда они замечают мишуру, этот внезапный проблеск ~~кижквкткххх~~ невинности...

Начальник полиции. Они хотят, чтобы ваш дом сопровождал их к Смерти.

Неожиданный звонок. Ирма вдрагивает. Молчание.

Ирма. Кто может прийти в такое время? (Кармен). Кармен, сходи и запри дверь на ключ.

Кармен уходит. Ирма и начальник полиции остаются одни. Довольно продолжительное молчание.

Начальник полиции. Моя гробница!

Ирма. Это я звонила. Мне захотелось остаться с тобой наедине.

Молчание. Ирма и начальник полиции пристально смотрят друг на друга.

Ирма. Жорж, скажи мне... (Нерешительно). Только не сердись. Ты не устал играть в эту игру?

Начальник полиции. Я уйду сейчас к себе.

Ирма. Как хочешь. Благодаря мятежу ты оказался свободен.

Начальник полиции. Мятеж — тоже игра. Отсюда тебе не видно, что творится снаружи, а ведь каждый мятежник играет. И любит свою игру.

Ирма. Но не могут ли они оказаться по ту сторону игры? Я хочу сказать, что игра может заставить их

все разрушить и все изменить. Я знаю, что и у них, конечно, есть те правила игры, которые в определенный момент заставят их остановиться и повернуть назад. Но если вдруг, движимые страстью, они про все забудут и, отбросив все сомнения, прыгнут...

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Ты хочешь сказать: в реальность? Ну а дальше? Пусть попробуют. Подобно им, я тоже прорываюсь в ту реальность, которую предоставляет нам игра, но поскольку моя роль более выигрышная, мне несомненно удастся их смкрить.

И р м а. Они могут оказаться сильнее.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Почему ты так думаешь? В одном из салонов я оставил охранников, которых всегда держу при себе. В конце концов, разве ты не хозяйка этого дома? Так вот. Если я пришел сюда, то потому, что нахожу удовольствие в твоих зеркалах и играх. (Нежно). Успокойся. Все пройдет, все образуется, как это бывало прежде.

И р м а. Не знаю почему, но сегодня мне никак не успокоиться. Кармен стала совсем чужой; У мятежников, как бы тебе сказать, такие серьезные лица...

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Этого требует их роль.

И р м а. Нет, пожалуй, это решительность. Те, что проходят под нашими окнами, молчат, но в их глазах скрывается угроза.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Ну и что? Пусть так. Разве ты считаешь меня трусом? Или, по-твоему, я должен отказаться...

И р м а (задумчиво). Нет. К тому же, уже слишком поздно.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. У тебя есть какие-то сведения?

И р м а. Перед побегом Шанталь сказала, что к трем часам будет взята электростанция.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Это точно? От кого она узнала?

И р м а. От мятежников из четвертого округа.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Вполне возможно. А как она узнала?

И р м а. Шанталь сбежала одна. Не думай о моем доме плохо.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. О твоём борделе, любимая.

И р м а. О борделе. Пусть будет так. Шанталь— единственная из девушек, которая поддерживала связь с той стороной... Потом она убежала к ним. Но геред побегом призналась во всем Кармен, ну а Кармен...

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. А от кого узнала Шанталь?

И р м а. От Роджера, водопроводчика. Угадай, как он выглядит? Думаешь молодой и красивый? Ошибаешься. Сорок лет. Коренастый. С серьезным, чуть ироническим взглядом. Шанталь часто с ним разговаривала. Я настигала ее на пороге, но было уже поздно. Она ушла в отряд имени Андромеды.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Bravo! Только при чем здесь мятеж? Если они дают своим отрядам имена созвездий, то мятеж быстро выдохнется и превратится в песни. Пожелай им всего лучшего.

И р м а. А если песни вдохнут в мятежников смелость? И если они захотят умереть за них?

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Красота песен действует на людей расслабляюще. К несчастью, мятежникам нет пока дела ни до красоты, ни до слабости. Как бы там ни было, любовные дела Шанталь сыграли некую провиденциальную роль...

И р м а. Не впутывайте сюда бога...

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Я— франкмасон и, следовательно...

И р м а (явно изумленная). Ты никогда мне об этом не говорил. Неужели ты...

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и (торжественно). Высочайший Князь Тайного Королевского Совета.

И р м а (с насмешкой). Неужели ты— брат франкмасон?

В крошечном фартучке? С маленьким деревянным молоточком, с мастерком каменщика и с восковой свечой? Как забавно! (Пауза). Значит, ты тоже...

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Что значит- тоже? Разве ты...

И р м а (с шутливой торжественностью). Хранительница особо серьезных обрядов. (С внезапной грустью). Поэтому я здесь.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. А теперь попытайся воззвать к нашей любви.

И р м а (нежно). Не к любви, а к тому времени, когда мы любили друг друга.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Ну и что? Ты хочешь превратить его в историю и похвальную оду, и уже начинаешь видеть в моих посещениях- Явления Спасителя... да еще, по-видимому, пришеиваешь к ним воспоминания о своей вымышленной невинности.

И р м а. Всею виной- невинность. Ни мои экстравагантные клиенты, ни моя судьба, ни поиски новых тем, ни ковры и позолота, ни хрусталь, ни холод- ничто не могло помешать тем минутам, когда ты сворачивался в моих руках в комочек... я запомнила их навсегда...

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Ты жалеешь об этих минутах?

И р м а (нежно). За любую из них я готова отдать все свое царство. Ты знаешь, в чем я нуждаюсь больше всего: мне нужно одно слово правды.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Слишком поздно. (Пауза). Да и невозможно без конца сворачиваться в комочек в руках друг друга. К тому же ты не знала, о чем я мечтал, находясь в твоих объятьях.

И р м а. Но я-то тебя люблю.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Слишком поздно. Можешь ты оставить Артура?

И р м а (нервно смеется). Не ты ли сам навязал его мне? Не ты ли, вопреки моей воли и желания, настоял на том, чтобы поселить здесь мужчину... здесь, в области, которая должна оставаться девственной... Не

смейся, глупый. Именно, девственной. То есть, стерильной. Но тебе захотелось водрузить здесь опору, столп, ось, фаллос... И вот он здесь. Ты всучил мне эту багровую грудку мяса, эту неповоротливую тушу с бицепсами вышибалы... но хотя тебе известна была его балаганная сила, о его бессилии ты ничего не знал. Глупейшим образом ты навязал его мне, и все лишь потому, что почувствовал приближение своей старости.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и (вяло). Замолчи.

И р м а (пожимая плечами). И в результате— отказался от себя самого. Я не строю никаких иллюзий. Из нас двоих во мне больше мужского, чем в нем, и ему приходится искать во мне опору... однако и я нуждаюсь в этом мускулистом тупице, в этом пустозвоне, затерявшемся в моих юбках. Если угодно, он— мое тело, которое находится рядом со мной.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и (с иронией). Я ревную...

И р м а. К кому? К этой толстой кукле, которая гримируется под палача, только потому, что этого требует судья? Ты смеешься надо мной... Тебя совершенно не досаждают, когда я появляюсь перед тобой в присутствии этого великолепного тела...

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и (дает Ирме пощечину). (Ирма падает на диван). Не вздумай только вить, иначе совсем сверну рожу на сторону. А халупу эту сожгу ко всем чертям! Осмолю твоим шлюхам волосы и пушу бегать по городу! (Очень тихо). Думаешь, не смогу?

И р м а (вздыхнув). Сможешь, дорогой.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. В таком случае, посчитай, сколько я тебе должен. На шелк Аполлона сделай скидку. И побыстрее, мне пора возвращаться. Надо же действовать. А дальше все пойдет само собой. Вместо меня будет действовать мое имя. Что с Артуром?

И р м а (покорно). Сегодня вечером он умирает.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Как умирает? Ты хочешь сказать... он умрет на самом деле?

И р м а. Жорж, ты ведь знаешь, как у нас умирают.
Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. А кто с ним будет?
И р м а. Министр...

Ее прерывает голос Кармен.

Г о л о с К а р м е н (за кулисами). Эльяна, запри салон номер семнадцать! И побыстрее. Прошу вас, спуститесь сюда. Нет, нет, подождите...

Слышится звук заржавленного зубчатого колеса.
Входит Кармен.

К а р м е н. Мадам, в салоне вас ожидает посланник королевы...

Открывается дверь слева, и входит трясущийся Артур. Одежда на нем разорвана.

А р т у р (заметив начальника полиции). Ах, вы здесь!
Как вам удалось пробраться?

И р м а (всплеснув руками). Что с тобой? Ты ранен? Говори! Ах, толстый ты мой глупышка...

А р т у р (задыхаясь). Я пытался добраться до полиции, но не смог. Весь город в огне. Мятежники-хозяева положения. Не думаю, господин начальник полиции, чтобы вам удалось вернуться к себе. Все-таки я сумел попасть в Королевский дворец и повидал там Главного Дворецкого. Он сказал, что попытается придти. И даже пожал мне руку. Я пошел обратно. Больше всех на улице возбуждены женщины: они призывают к грабёжам и убийствам. Самая ужасная среди них-девушка, которая поет песни...

Раздается сухой хлопок выстрела. Оконное стекло разлетается вдребезги, зеркало возле кровати-тоже. Артур падает на пол лицом вниз. Кармен склоняется над ним, затем встает. Ирма тоже склоняется над Артуром и гладит ему лицо.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Итак, я заперт в борделе. Придется в борделе и действовать.

И р м а (сама себе, склонившись над Артуром). Неужели все исчезнет? Неужели все проскользнет между пальцев?.. (С горечью). У меня остались одни драгоценности... бриллианты... но надолго ли...

К а р м е н (тихо). Как бы они не взорвали наш дом...
Мадам Ирма, в гардеробе есть одежда святой Терезы?

И р м а (поднимаясь). Слева. Но сначала надо унести Артура. Я приму здесь посланника.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Площадь, уставленная многочисленными солнечными тентами. В глубине, на довольно большом расстоянии, угадывается фасад "Балкона", с закрытыми ставнями на окнах. Шанталь и Роджер стоят, крепко обнявшись. За ними молча наблюдают трое мужчин. Черные костюмы. Черные свитера. Рядом — пулеметы, направленные в сторону "Балкона".

Ш а н т а л ь (нежно). Любимый, храни меня... храни меня в своем сердце... И жди.

Р о д ж е р. Я люблю тебя. Люблю твое тело, твои волосы, грудь, живот, внутренности, пот, запах... Шанталь, я люблю тебя в кровати. Они...

Ш а н т а л ь (улыбаясь). Им плевать на тебя. Но без них я — ничто.

Р о д ж е р. Ты — моя. Ведь я тебя...

Ш а н т а л ь (раздраженно). Знаю, знаю: ты меня вытащил из могилы. А я, неблагодарная, едва сбросив с себя саван, бегу попрошайничать. Я хочу устроить себе приключение — и убегаю. (Внезапно с мягкой насмешкой). Роджер, я тебя люблю, и люблю тебя одного.

Р о д ж е р. А сама собираешься сбежать от меня. Мне не угнаться за тобой в этих идиотских и героических бегах.

Ш а н т а л ь. Вот как? Ты меня ревнуешь? К кому? Или к чему? Все говорят, что я витаю над революцией, что

я— ее душа и голос, а ты... ты ходишь по земле. Поэтому тебе так грустно.

Р о д ж е р. Шанталь, умоляю тебя, не будь такой вульгарной. Если ты можешь нам помочь...

Один из мужчин подходит к ним.

М у ж ч и н а (Роджеру). Ну как, согласен или нет?

Р о д ж е р. Она останется здесь.

М у ж ч и н а. Я прошу ее всего на два часа.

Р о д ж е р. Шанталь принадлежит...

Ш а н т а л ь. Никому!

Р о д ж е р. ...моему отряду.

М у ж ч и н а. Революции!

Р о д ж е р. Если вам нужна девушка, способная увлечь за собой мужчин, поищите ее сами...

М у ж ч и н а. Уже искали, да без толку. Попробовали одну: прекрасный голос, грудь отличная, полураздета... все как надо, а вот огня в глазах нет... Ты же сам знаешь: если нет огня... Думали, найдем кого-нибудь в северных кварталах или у плотины, а там уже все заняты.

Ш а н т а л ь. А я как раз подошла. Все свое достояние, лицо с выпученными глазами и хриплый голос, я отдаю вам, потому что я их ненавижу. У меня нет ничего, кроме лица, голоса и удивительной душевной доброты. Позовите сюда моих соперниц— они не стоят моих подметок! У меня нет и не может быть соперниц!

Р о д ж е р (взрываясь). Я вырвал ее из лап могилы! А она тут же бежит от меня и пытается вскарабкаться на небо. Если отдать ее вам...

М у ж ч и н а. Мы этого не просим. Мы хотим взять ее напрокат.

Ш а н т а л ь (изумленно). Напрокат? А за сколько?

Р о д ж е р. Допустим, что вы ее возьмете, и она будет петь и увлекать за собой рабочих из предместья. А вдруг она отдаст концы? Кто нам тогда ее заменит?

М у ж ч и н а. Но ведь она согласна.

Р о д ж е р. Она больше себе не принадлежит. Она— наша.

Она — наш символ. Жены рабочих помогают вам выворачивать булжники из мостовых и заряжают ружья. Я понимаю, что они необходимы, но все-таки...

М у ж ч и н а. Сколько женщин ты за нее просишь?

Р о д ж е р (задумчиво). Дорогая это штука — певица на баррикадах!..

М у ж ч и н а. Сколько? Десять баб хватит? (Молчание).
Двадцать!

Р о д ж е р. Двадцать? Ты предлагаешь мне двадцать баб, двадцать говяжьих туш, двадцать скотских рож — за одну Шанталь. Значит, в ней есть что-то исключительное, не так ли? Знаешь, откуда она взялась?

Ш а н т а л ь (Роджеру, резко). Каждое утро, отплыв ночью, я возвращалась к себе в конуру, чтобы целомудренно в ней выспаться. А теперь я, со своим хриплым голосом, притворным гневом, застывшими глазами и цыганскими волосами, нашла себе утешение в том, что привожу в восторг ораву нищих. Допустим, они победят, но в чем будет заключаться моя победа?

Р о д ж е р (задумчиво). Двадцать женщин за Шанталь?

М у ж ч и н а (отчетливо). Сто.

Р о д ж е р (по-прежнему задумчиво). Благодаря ей они обязательно победят. Она воплощает собой Революцию...

М у ж ч и н а. Сто. По рукам?

Р о д ж е р. Куда ты ее уведешь? И что она будет делать?

Ш а н т а л ь. Будь спокоен, звезда судьбы освещает мой путь. Что касается остального, то мои способности тебе известны. Меня любят, меня слушают, за мной идут...

Р о д ж е р. Что она будет делать?

М у ж ч и н а. Почти ничего. Как тебе известно, на рассвете мы атакуем Дворец. Шанталь войдет в него первой и запоет с балкона. Вот и все.

Р о д ж е р. Сто женщин. Тысяча, и даже больше. Она уже не женщина. Ее суть в том, во что превратят ее ярость и отчаяние. Шанталь воплотит собой некий образ, (и все дальнейшие будут происходить не в реальности, а в воображении. Борьба аллегорий на лазурном поле.)

Никто из нас не знает причины нашей революции. Пусть ей станет Шанталь.

Мужчина. Значит, согласен? А ты, Шанталь?

Роджер (мужчине). Отойди на минуту. Мне надо сказать ей несколько слов.

Трое мужчин отходят в сторону и останавливаются в тени.

Роджер (резко). Не для того я тебя оттуда выкрал, чтобы ты превратилась в единорога или двуглавого орла.

Шанталь. Тебе не нравятся единороги?

Роджер. Заниматься любовью с ними я бы не смог. (Ласкает ее). И с тобой теперь — тоже.

Шанталь. Ты думаешь, я тебя разлюбила? Или обманула? Нет, я тебя люблю. А вот ты меняешь меня на сотню чумазых угольщиц.

Роджер. Прости, но это необходимо. Я тебя тоже люблю. Люблю, хотя не умею об этом сказать. Как не умею петь, а ведь песня — последнее средство.

Шанталь. Я должна уйти. Если отряду северных кварталов повезет, то через час королева будет мертва. Начальник полиции тоже. В противном случае, мы никогда не выберемся из этого борделя.

Роджер. Любимая, жизнь моя, одну минуту! Впереди целая ночь.

Шанталь. Нет, голубь мой, ночь уже на исходе. Позволь мне уйти.

Роджер. Я не смогу без тебя жить.

Шанталь. Поверь мне, мы будем по-прежнему рядом. Сквозь ледяные речи, обращенные к ним, до тебя донесутся слова моей любви. Ты поймешь их, и я буду ждать твоего ответа.

Роджер. Шанталь, тебя будут стеречь. Они сильны. Они из тех, о ком говорят: сильны, как смерть.

Шанталь. Не бойся, любимый. Их сила мне известна. Но твоя нежность и ласка гораздо сильнее. Я буду сурово говорить то, что требуется народу. Они будут бояться и слушать. Отпусти меня!

Роджер (кричит). Шанталь, я тебя люблю!
Шанталь. Я тебя тоже. Но именно поэтому я должна уйти.

Роджер. Ты меня любишь?

Шанталь. Люблю. Ты ласковый, ты нежный, ты— самый смелый и решительный мужчина. Твоя нежность и ласка делают тебя легким, как пушинка, хрупким, как соломинка, воздушным, как каприз. Твои крепкие мускулы, твои плечи, бедра, руки столь же нереальны, как превращение дня в ночь. Ты обволакиваешь меня, ты проникаешь в меня...

Роджер. Шанталь, люблю тебя. Ты твердая, ты строгая, ты— самая нежная и ласковая женщина. Твоя нежность и ласка делают тебя суровой, как урок, тяжелый, как голод, негибаемой, как льдина. Твоя грудь, твоя кожа, волосы столь же реальны, как непременность полдня. Ты обволакиваешь меня, ты проникаешь в меня...

Шанталь. Когда я окажусь у них и буду им говорить, я услышу в своем голосе твои вздохи и стоны, стук твоего сердца. Отпусти меня.

Он привлекает ее к себе.

Роджер. У нас еще есть время. От стены падает тень. Иди за монастырь. Ты знаешь дорогу.

Мужчина (тихим голосом). Пора, Шанталь. День начинается.

Шанталь. Слышишь, меня зовут.

Роджер (раздраженно). Но почему именно ты? Ведь ты ничего не сумеешь им сказать.

Шанталь. Сумею, сумею лучше любого другого. У меня есть дар.

Роджер. Они такие умные и хитрые...

Шанталь. Я придумываю необходимые жесты, позы и фразы. До того, как они скажут хоть слово, я уже пойму их, и ты будешь гордиться моей победой.

Роджер. Пусть они уходят. (Кричит революционерам). Эй вы, уходите!

Шанталь. Не слушайте его, он пьян. (Роджеру). Они

умеют только сражаться, а ты— только любить меня. Это те роли, которые каждый из вас научился играть. Но то, что сейчас происходит,— совсем другое. Публичный дом пригодится мне, он научил меня искусству притворства и игры. Я сыграла великое множество ролей, и почти все из них помню наизусть. У меня было огромное количество партнеров...

Роджер. Шанталь!

Шанталь. ...столь умных, хитрых и красноречивых, что мой ум, хитрость и красноречие стали непревзойденными. Я могу заткнуть за пояс королеву, героя, судью, епископа, генерала... мне не составит труда обмануть их всех.

Роджер. Неужели ты знаешь все эти роли?

Шанталь. Этому нетрудно научиться. А ты сам...

Подходят трое мужчин.

Мужчина (хватает Шанталь и тащит за собой). Довольно болтать! Пошли!

Роджер. Шанталь, останься!

Мужчины увлекают Шанталь за собой.

Шанталь (насмешливо). Я обволакиваю тебя, я проникаю в тебя, любимый...

Подталкиваемая тремя мужчинами, Шанталь исчезает.

Роджер (один, подражая голосу Шанталь). У меня было огромное количество партнеров, столь умных, хитрых... (Обычным голосом). Если она скажет им, чего они хотят, у нее немедленно появится огромное количество умных и хитрых партнеров. Главное, сказать им, чего они хотят.

По мере того, как он говорит, декорации передвигаются налево. На сцене наступает темнота. Роджер уходит, продолжая по пути говорить. Когда

свет загорается снова, на сцене оказываются декорации следующей картины.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Погребальный салон, о котором упоминала Ирма. Он в полном запустении: сверху свисают разорванный черный шелк и бархат, короны с жемчугом сломаны. Общее опустошение. Одежда Ирмы и начальника полиции превратилась в лохмотья. В гробнице из черного искусственного мрамора — труп Артура. Рядом новое действующее лицо: королевский посланник. На нем парадный мундир консула. У него, единственного из присутствующих, хорошее настроение. Оглушительный взрыв. Все вздрагивают.

П о с л а н н и к (серьезно и в то же время развязно).

Не знаю, сколько еще столетий понадобится для того, чтобы наделить меня утонченными манерами. Почему-то после этого взрыва, и бряцания драгоценностей, и разбитых зеркал мне показалось, что я нахожусь в Королевском дворце... (Пораженные, все смотрят друг на друга). Не будем выдавать своих эмоций по этому поводу, пока не станем такими же... (Он указывает на труп Артура).

И р м а. Он бы ни за что не поверил, что столь достоверно сможет сыграть роль трупа.

П о с л а н н и к (улыбаясь). Наш уважаемый министр внутренних дел пришел бы от него в полнейший восторг, не пребывая он сам в подобном состоянии. К несчастью, вместо него к вам послали меня, человека, лишенного всякой склонности к такого рода развлечениям. (Прикасается к пятке трупа). Да, от этого трупа министр был бы вне себя...

И р м а. Ошибаетесь, господин посланник. Нашим клиентам нужно подобие и обман зрения. Министр потребовал поддельный труп, а Артур — настоящий мертвец. Живой,

он бы так не сыграл. Все в нем устремилось в неподвижность.

П о с л а н н и к. Он был рожден для величия.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Он? Самый заурядный и бесхарактерный человек...

П о с л а н н и к. Однако, как и мы, он жаждал неподвижности и искал ее. Позвольте, кстати сказать, воздать должное тому, кто догадался устроить в этом доме погребальный салон.

И р м а (с гордостью). Это лишь его часть!

П о с л а н н и к. Кому принадлежит идея салона?

И р м а. Народной мудрости, господин посланник.

П о с л а н н и к. Как ей все прекрасно удается! Поговорим, однако, о королеве, поскольку ее защита входит в число моих обязанностей.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и (раздраженно). Странно вы исполняете свои обязанности. Дворец, согласно вашим словам...

П о с л а н н и к (улыбаясь). В данную минуту Ее Величество находится в надежном месте. Но время не ждет. Ходят слухи, что епископ обезглавлен. Монастырь разграблен. Дворец правосудия и Генеральный штаб разгромлены...

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. А королева?

П о с л а н н и к (легкомысленно). Вышивает. Сначала она собиралась ухаживать за ранеными. Но ей дали понять, что, поскольку положение является угрожающим для трона, она обязана воспользоваться своим правом...

И р м а. Каким именно?

П о с л а н н и к. Правом на отсутствие. Ее Величество удалилась в одну из дальних комнат дворца. Непослушание народа глубоко ее опечалило. Она вышивает платок. Если вас интересует рисунок, то он таков: по углам — головки мака, а в центре — вышитый на голубом фоне лебедь на поверхности воды. Ее Величество не понимает, чья это поверхность: озера, пруда или лужи? А, может быть, большого бака? Проблема, как

видите, достаточно серьезная, а упомянул я о ней по той причине, что в силу ее неразрешимости королева может погружаться в бесконечное созерцание.

И р м а. Королева изволит забавляться?

П о с л а н н и к. Ее Величество пытается до конца стать той, кем она должна быть: Королевой. (бросает взгляд на труп). Она тоже устремилась к неподвижности.

И р м а. И вышивает?

П о с л а н н и к. Нет, сударыня. Если я сказал, что королева вышивает, то лишь потому, что мой долг — не только сообщить о занятиях королевы, но и скрыть их.

И р м а. Вы хотите сказать, что она не вышивает?

П о с л а н н и к. Я хочу сказать, что королева вышивает и не вышивает. Она ковыряет в носу, разглядывает пылинки в воздухе и спит. Кроме того, она вытирает посуду.

И р м а. Королева?

П о с л а н н и к. А вот за ранеными не ухаживает. Она вышивает невидимый платок...

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Боже! Что вы сделали с Ее величеством? Отвечайте немедленно и без уверток. Я говорю вполне серьезно.

П о с л а н н и к. Она лежит в ящике и спит. Завернулась в остатки своего королевства и громко храпит...

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и (угрожающе). Королева мертва?

П о с л а н н и к (бесстрастно). Она храпит и не храпит. На ее маленькую головку надета корона с драгоценными камнями.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Вы сказали, что дворец в опасности... Не могу ли я чем-нибудь помочь? Здесь со мной мои люди, готовые умереть за меня. Они хорошо меня знают и знают, сколько я сделал для них... Для игры у меня есть своя роль. Но если королева мертва, то к чему все это? Я все надежды возложил на ее имя, с тем, чтобы создать имя себе. Какое сей-

час положение в городе?

П о с л а н н и к. Судите о нем по положению в этом доме. И по своему собственному. Надо полагать, что все потеряно.

И р м а. Смеем вас уверить, Ваше Превосходительство, что я оказывалась и в гораздо худших положениях. Чернь гарланит под окнами моего дома и швыряет гранаты, однако дом продолжает держаться. Некоторые комнаты повреждены, но способны еще выдержать осаду. Мои девушки, если не считать одной сбежавшей сумасбродки, продолжают свою работу. Если бы во главе Дворца стояла женщина вроде меня...

П о с л а н н и к (невозмутимо). Королева стоит на одной ноге посреди пустой комнаты и в то же время...

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Довольно! Хватит с меня ваших загадок. Королева должна быть кем-нибудь. И обязательно в конкретной ситуации. Опишите ее точно. Нам нельзя тратить ни минуты.

П о с л а н н и к. Вы собираетесь спасти, но что именно?

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Королеву.

К а р м е н. Знамя!

И р м а. Собственную шкуру!

П о с л а н н и к (начальнику полиции). Вы желаете, чтобы я описал королеву?

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. До сих пор я служил, опираясь на то, что видел. И буду продолжать это делать.

Где сейчас мятежники?

П о с л а н н и к (покорно). Садовые решетки еще какое-то время способны сдерживать толпу. Преданная королеве охрана готова умереть за свою повелительницу. Они прольют свою кровь, но, к сожалению, ее будет недостаточно для того, чтобы затопить мятеж. Стараясь ввести ум в заблуждение, Ее Величество то и дело меняет место своего пребывания и переходит из одной тайной комнаты в другую, из буфетной- в тронный зал, из уборной- в курятник, из часовни- в помещение гаектвахты... Она стала необнаружимой и обрела пугающие черты незримости. Таково положение дел во дворце.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Что с главнокомандующим?

П о с л а н н и к (дурачливо). Он бродит среди толпы, которая не причинит ему никакого зла. Его охраняет безумие.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. А прокурор?

П о с л а н н и к. Умер от страха.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Епископ?

П о с л а н н и к. Самый тяжелый случай. Церковь ушла в подполье. О нем ничего не известно. Ничего определенного. Говорят, что его голову видели продетой сквозь руль велосипеда, но это, конечно, ложь. Единственная надежда— на вас, но от вас не поступает никаких приказаний.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Внизу, в салонах и коридорах, достаточно надежных людей, которые нас защитят.

П о с л а н н и к (перебивая его). Они в форме?

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Ведь это мои охранники. Или вы думаете, что они ходят в спортивных костюмах? Конечно, в форме. Черный цвет. Даже флаг есть, только в чехле. Они— смелые люди, и тоже хотят победить.

П о с л а н н и к. Победить, чтобы спасти... но кого? Почему вы молчите?

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Но ведь отправляясь ~~здесь~~ искать меня, вы уже имели в виду что-то определенное? У вас есть какой-то план. Расскажите о нем.

Внезапно раздается оглушительный взрыв. Начальник полиции и посланник бросаются на пол, затем встают и помогают друг другу отряхнуться.

П о с л а н н и к. Кажется, это королевский дворец. Да здравствует королевский дворец!

И р м а. Но его же взорвали!..

П о с л а н н и к. Королевский дворец все время взрывают. Если угодно, он— нескончаемый взрыв.

Входит Кармен. Она набрасывает на труп Артура черное покрывало и наводит в комнате некоторый порядок.

- Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и** (потрясенный). А королева? Как же королева? Ведь она теперь там, под обломками...
- П о с л а н н и к** (загадочно улыбаясь). Успокойтесь, Ее Величество находится в надежном месте. Погибнув, она, словно феникс, возродится из пепла дворца. Я хорошо понимаю, что вам не терпится доказать свою преданность и доблесть... Но королева в этом сейчас не нуждается. Позвольте, однако, воздать должное вашему хладнокровию. И вашему мужеству. Они достойны самых высоких знаков уважения. (Задумчиво). Самые высоких...
- И р м а**. Вы забываете, с кем говорите. Я содержу публичный дом, это так, но когда-то я жила среди народа. И народ...
- П о с л а н н и к** (строго). Довольно об этом. Покуда жив, руки сами тянутся к знамени. Но что значит эта тряпка, в то время когда вы собираетесь проникнуть в провиденциальную неподвижность?..
- И р м а**. Сударь, вы полагаете, что я скоро умру?
- П о с л а н н и к** (пристально вглядываясь в нее). Надменное лицо... Крутые бедра... Крепкие плечи... Голова...
- И р м а** (смеясь). Я уже не раз слышала нечто подобное, но до сих пор не потеряла от этого голову. В общем, я готова умереть, даже если мятежники оставят меня в живых. Поскольку королева мертва...
- П о с л а н н и к** (кланяясь). Мадам, да здравствует королева!
- И р м а** (сначала озадаченная, затем рассержанная). Не люблю, когда из меня делают дуру. Немедленно прекратите ваши шутки.
- П о с л а н н и к** (живо). Я описал вам создавшееся положение. Народ, упиваясь гневом и радостью, стоит на краю экстаза: нам осталось лишь чуть-чуть его подтолкнуть.
- И р м а**. Вместо того, чтобы проводить здесь время и гордиться глупости, шли бы лучше раскапывать остатки дворца и искать королеву. Даже если она немного подгорела...

П о с л а н н и к (строго). Нет, подгоревшая королева не годится. Да и живая, она была ~~и~~ не так красива, как вы.

И р м а (любясь собой в зеркале, снисходительно). Да, она была довольно дряхлой. И очень всего боялась.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Вполне возможно, что все нынешнее зло содеяно лишь для того, чтобы добиться к ней приема и заслужить ее взгляда. Если бы она сама соизволила...

Кармен останавливается и прислушивается.

И р м а (робко). Я не смогу говорить. Язык меня не послушается.

П о с л а н н и к. Все произойдет в полной тишине, которую правила церемонии никому не позволят нарушить.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Я попытаюсь со своими людьми произвести раскопки королевского дворца. Если, как вы утверждаете, королева скрывается в ящике, ее можно разыскать и освободить.

П о с л а н н и к (пожимая плечами). В ящике из красного дерева. В очень ветхом и изношенном ящике. (Ирме, дотрагиваясь до ее головы). Для этого дела нужна крепкая голова...

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Чтобы засунуть ее в гиль-отину? Ирме, не слушай его! (Посланнику). Кем тогда стану я? Я был верным слугой государства, но лишь потому, что и сам опирался на корону. Я вводил в заблуждение массу людей, поскольку возымел когда-то благую мысль служить королеве... Порой я притворялся грубым... но если даже и притворялся... вы меня слушаете?

И р м а (посланнику). Господин посланник, я слабая и нежная женщина... Я всего боюсь...

П о с л а н н и к (властно). Вокруг сладкого и хрупкого миндального орешка мы выкуем крепкую косточку из золота и железа. Решайтесь!

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и (гневно). Она обойдется без меня. Неужели Ирме обойдется без меня? Все зло,

которое я совершил, для того чтобы стать хозяином положения, окажется, в таком случае, бесполезным. В то время, как ей, всю жизнь скрывавшейся в своих салонах, достаточно теперь только кивнуть головой... Если бы я получил власть, я бы ее не забыл.

П о с л а н н и к. Это невозможно, поскольку свою власть вы должны получить от нее. Она олицетворяет собой божественное право. Не забывайте, к тому же, что вашего образа в салонах до сих пор нет.

И р м а. Дайте мне немного времени...

П о с л а н н и к. Только несколько секунд, нам некогда.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Если бы знать, как отнеслась бы к этому покойная правительница. Не слишком ли мы легкомысленны? Обманым путем добиваться наследства...

П о с л а н н и к (с презрением). Трус! Когда над вами нет власти, которая принимает решения, вы дрожите от страха. Пусть госпожа Ирма объявит о своем решении.

И р м а (претенциозно). В моих семейных архивах, хранящихся с давних времен...

П о с л а н н и к (сердито). Какие глупости! Что у нас мало своих генеологов и летописцев? История им послушна. Я уже сказал: надо спешить. Сейчас вы еще сможете завоевать народ, но надо быть осторожной... Если он обоготворит вас, его патетическая гордость будет способна принести вас в жертву. Он убьет своих идолов-мятежников, побросает их в сточную канаву, а вслед за ними потащит и вас...

Вновь раздается сильный взрыв.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Слишком большой риск.

К а р м е н (Ирме). Украшения поданы.

И р м а (посланнику). А вы сами готовы к тому, о чем говорите? Вы в курсе всего происходящего? У вас есть шпионы?

П о с л а н н и к. Они доносят мне обо всем - не хуже смотровых глазков в ваших салонах. (Улыбаясь). Должен

добавить, что, используя их, мы с вами испытываем оба почти одинаковую восхитительную дрожь. Но действовать нужно как можно быстрее. Существует лишь один путь против течения времени: их или наш. Решайтесь, госпожа Ирма.

И р м а (стиснув голову руками). Сейчас, сейчас. Я все быстрее устремляюсь навстречу своей судьбе. (Кармен).
Пойди посмотри, что они там делают.

К а р м е н. Я их заперла.

И р м а. Можешь открыть.

П о с л а н н и к (Кармен). А что будет с вами?

К а р м е н. Сударь, я тоже устремляюсь в бесконечность.

Она уходит.

П о с л а н н и к. Теперь о другом, но не менее важном деликатном деле. Я имею в виду тот образ, который несколько дней-назад появился в небе мятежа.

И р м а. У мятежа есть свое небо?

П о с л а н н и к. Что, завидуете? Образ Шанталь шествует по улицам. Образ, который-похож на нее и не похож. Этот образ витает над всеми схватками. Вчера они восстали против подлинных и мнимых тиранов, сегодня сражаются за свободу, а завтра пойдут умирать за Шанталь.

И р м а. Неблагодарная тварь! А ведь была такая мзсканная, такая своеобразная...

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Ничего, долго не продержится. У нее, как и у меня, нет ни отца, ни матери. А если она превратится в символ, мы возьмем этот символ себе. (Пауза). Маска...

П о с л а н н и к. Маска- это единственное, что осталось прекрасного на этом свете.

Раздается звонок. Ирма спешит к аппарату, но тут же меняет свое решение.

И р м а (начальнику полиции). Это Кармен. Что она говорит? Чем они занимаются?

Начальник полиции берет слуховую трубку.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и (передает). Разглядывают себя в зеркалах.

И р м а. Надо разбить зеркала или закрыть их покрывалами.

Молчание. Слышны пулеметные выстрелы.

И р м а. Я согласна! Я чувствую, как меня призывает к этому вечность и благославляет бог. Пойду к себе помолюсь.

П о с л а н н и к (важно). У вас есть необходимая одежда?

И р м а. Мои гардеробы не менее знамениты, чем салоны. (С внезапным беспокойством). Наверное, одежда в ужасном состоянии! Взрывы, пыль, штукатурка. Передайте Кармен, чтобы она ее почистила. (Начальнику полиции). Жорж, это последняя минута, которую мы проводим вместе! После нее нас больше не будет...

Посланник скромно отходит к окну.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и (с нежностью). Но я люблю тебя.

П о с л а н н и к (отчужденно). Интересно отметить, что когда начался мятеж, все рабочие были на работе... Вы не прочь поговорить о проекте гробницы?

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и (понимающе). Слушаю вас.

П о с л а н н и к. Это будет огромная гора из красного мрамора, с выдолбленными в ней пещерами, комнатами и альковами, а посреди-будка часового, украшенная бриллиантами.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Я согласился бы стоять на часах всю свою смерть.

П о с л а н н и к. Не всякий, понавший туда, умрет для вечности. Вокруг будет расположен приведенный в порядок мир, будут вращаться планеты и звезды. Из одной потайной комнаты будет идти длинная извилистая дорога, которая приведет в другую комнату с зеркалами, отражающимися друг в друге до бесконечности...

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и (в знак согласия).

Я иду!

П о с л а н н и к. Образ смерти.

Ирма (прижимая к себе начальника полиции). Неужели я наконец-то стану настоящей? Моя одежда будет настоящей. Мои кружева будут настоящими. А все остальные...

Пулеметная очередь.

Посланник (бросая взгляд на закрытое ставнями окно). Поспешим. (Ирме). Идите к себе и вышивайте там платок. (Начальнику полиции). А вы отдайте последние указания своим последним людям.

Он подходит к зеркалу, достает из кармана несколько орденов и прикрепляет их к мундиру.

Посланник (нагло). И прошу побыстрее. Я и так потерял слишком много времени, выслушивая ваши глупости.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ.

Балкон на фасаде запертого дома. Все ставни на окнах закрыты. Внезапно они одновременно открываются. В окнах видны епископ, генерал и судья, занятые приготовлениями. Затем открывается большая двустворчатая дверь. На балкон выходят один за другим: епископ, генерал и судья, следом за ними — герой, то есть начальник полиции и, наконец, королева, то есть Ирма, с короной на голове и в горностаевой мантии. Все действующие лица ведут себя очень неуверенно и молчат. Они просто показывают себя для обозрения. Все, кроме героя, высокого роста, и одеты в парадные, но запыленные и порванные одежды. По другую сторону балкона показывается нищий.

Нищий (пронзительно кричит). Да здравствует королева!

Все по-прежнему молчат. Неожиданно сильный порыв ветра раздувает занавес. Входит Шанталь. Епископ молча представляет ее королеве. Королева делает реверанс. Раздается выстрел. Шанталь падает. Генерал и королева молча выносят

ее со сцены.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Комната Ирмы, словно после бури. В глубине - стена, образованная большим двустворчатым зеркалом. Справа дверь, слева другая. Три фотографических аппарата на треногах. Возле них три фотографа, бойкие молодые люди в черных блузах, с насмешливыми лицами. Справа появляется и робко проходит епископ, слева - судья и генерал. При входе они кланяются. Генерал отдает честь епископу, тот осеняет его крестом.

С у д ь я (со вздохом облегчения). Кончилось!

Г е н е р а л. Это еще не конец. Теперь всю жизнь придется изворачиваться... Трудно... но жить-то надо.

Е п и с к о п (с усмешкой). И назад уже не отступить.

Вот до того, как мы оказались в карете...

Г е н е р а л. Как медленно она ехала!

Е п и с к о п. ... еще можно было ускользнуть. А сейчас...

С у д ь я. Как вы думаете, нас узнали? Я стоял посередине, между вами. Впереди была Ирма. (С удивлением). Ирма? Нет, королева... Я прятался за королевой. А как же вы?

Е п и с к о п. Ничего страшного. Знаете, кого я увидел в толпе?.. (Не в силах удержаться от смеха). Одну жидкую знакомую жирную рожу... (Генерал и судья улыбаются). ... всю в оспе, с гнилыми зубами... Она потянулась к моей руке, и я решил, что погиб, что сейчас меня укусят... и отдернул руку... А оказалось, что эта рожа хотела облобызвать мои перстни... Знаете, кто это был? Мой молочник!

Судья смеется.

Г е н е р а л (мрачно). Как медленно двигалась карета!

Ее колеса перекатывались по ногам и рукам народа...

Пыль со всех сторон!

С у д ь я (с беспокойством). Я был позади королевы. И видел, как одна женщина...

Е п и с к о п (перебивая его). Я тоже видел. Она бежала у левого окна кареты, посылая нам воздушные поцелуи.

Г е н е р а л (по-прежнему мрачный). Как медленно она ехала! Мы едва продвигались среди потной и пыльной толпы. Их вопли казались угрозами, но это были приветственные крики. Любой мужчина мог подрубить лошалям ноги, выстрелить из пистолета, перерезать упряжь, привязать нас к оглоблям и гнать, гнать по дороге... или четвертовать... Но ничего подобного не случилось. Несколько букетов из окон, толпа, склонившаяся перед позолоченной короной Королевы. (Пауза). Лошади, мерно ступающие в шаг, посланник на подножке кареты...

Молчание.

Е п и с к о п. Никто не узнал нас, мы были скрыты золотым сиянием. Народ ослеп и ничего не увидел.

С у д ь я. Если бы они...

Е п и с к о п. Обессиленные сражениями, задыхаясь от пыли и зноя, храбрецы-мятежники поджидали шествие. И ничего, кроме шествия, не дождались. Как бы там ни было, отступать поздно. Нас выбрали.

Г е н е р а л. Кто?

Е п и с к о п (с пафосом). Слава!

Г е н е р а л. Жалкий маскарад...

Е п и с к о п. От нас самих зависит, сумеет ли этот маскарад обрести новый смысл. Будем действовать быстро и точно. Без единой ошибки. (Властно). В настоящее время я символический глава церкви, но я хочу стать ее действительным главой. Вместо того, чтобы до одури осенять себя крестным знаменем, я буду подписывать декреты и назначать приходских священников. Строительство нового собора уже начато. Духовенство вновь организуется. Взгляните. (Он указывает на папку, которую держит под мышкой). Доверху набита всевозможными планами и проектами. (Судье). А как дела у вас?

С у д ь я (глядя на часы). У меня назначена встреча со служащими из магистрата. Мы подготовим новые статьи закона и частично пересмотрим уголовный кодекс. (Генералу). А как у вас?

Г е н е р а л. О, моя голова полна идей, как вигвам-дыма от костра. Но военному искусству не благоприятствует внешний блеск и показуха... Мой Генеральный штаб...

Е п и с к о п (обрывая его). Все ясно. Скажите, господин генерал, какой вид войск означают ваши звезды?

Г е н е р а л. Затрудняюсь ответить. Но когда вернется герой... Ведь это неважно?

Е п и с к о п. Неважно. Но не очень бы он обрадовался. Его образ еще не прошел через бордель... и если этого не сделать, мы проиграем. При условии, конечно, что вы не попытаетесь захватить власть.

Внезапно он умолкает. Один из фотографов громко кашляет, другой, словно кастаньетами, щелкает пальцами.

Е п и с к о п (сердито). Это вы? Принимайтесь за дело, да побыстрее и, по возможности, молча. Сфотографируете каждого из нас, один раз-улыбающегося, другой-мрачного.

1 - й ф о т о г р а ф. Это вы хорошо придумали-прибегнуть к нашей помощи. (Епископу). На молитву! Образ набожного и благочестивого человека заполнит собой весь мир.

Е п и с к о п (не двигаясь с места). Образ пылкого созерцателя.

1 - й ф о т о г р а ф. Пылкого созерцателя? Примите позу.

Е п и с к о п (неуверенно). Какую?

1 - й ф о т о г р а ф (смеясь). Вы что, не знаете, как расположиться для молитвы? Соедините руки. Голову поднимите. Глаза опустите. Смотрите одновременно на бога и в объектив. Это классическая поза. А всякое возвращение к порядку есть возвращение к классике.

Епископ (становясь на колени). Так?

1 - й ф о т о г р а ф (внимательно глядя на него). Да...
(Смотрит в аппарат). Нет, вы не попали в кадр...

(Епископ передвигается на коленях в сторону). Стоп!
Вот так.

2 - й ф о т о г р а ф (судье). Будьте любезны, удлините
немного черты вашего лица. А то вы совсем не похожи
на судью. Лицо должно быть вытянутое.

С у дья. Как у лошади? И мрачное?

2 - й ф о т о г р а ф. Да, господин прокурор, как у ло-
шади и мрачное. Обе ладони положите поверх портфеля.
Я хочу снять настоящего судью. Хороший фотограф сам
предлагает определенный образ. Так. Чудесно.

1 - й ф о т о г р а ф (епископу). Чуть-чуть повернитесь...

Поворачивает ему шею.

Епископ (гневно). Как вы обращаетесь с шеей духов-
ного лица?

1 - й ф о т о г р а ф. Ваше преосвященство, прошу вас
молиться в три четверти.

2 - й ф о т о г р а ф (судье). Господин прокурор, если
можно, чуть больше строгости... Опустите губу...
(Кричит). Великолепно! Не двигайтесь!

Он бежит к своему фотоаппарату. Вспышка магния:
1-й фотограф сд-елал снимок. 2-й фотограф за-
бирается под черное покрывало.

Г е н е р а л (3-ему фотографу). Мне очень нравится поза
маршала Тюрэнна...

3 - й ф о т о г р а ф (принимая позу). Со шпагой?

Г е н е р а л. Нет, нет. Это Байард. С маршальским жезлом
в протянутой руке.

3 - й ф о т о г р а ф. Вы имеете в виду Веллингтона?

Г е н е р а л. К несчастью, у меня нет с собой жезла...

В это время 1-й фотограф подходит к непод-
вижному епископу и молча его рассматривает.

3 - й ф о т о г р а ф. Ничего, мы его сделаем.

Он свертывает лист бумаги и подает его генералу. Тот принимает нужную позу. 3-ий фотограф бежит к фотоаппарату. Вспышка магния: 2-й фотограф сделал снимок.

Е п и с к о п (1-му фотографу). Надеюсь, снимок выйдет удачным. Помимо него, нужно заполнить мир моим образом в момент принятия эвхаристии. Но у нас нет облатки...

1 - й ф о т о г р а ф. Ваше преосвященство, положитесь на нас. У нас есть все необходимое. (Зовет судью). Господин прокурор! (Судья подходит). Разрешите использовать для снимка вашу руку. (Берет его за руку). Вот сюда... сюда... Засучите немного рукав... (Он роется в своем кармане. Епископу). Высуньте язык. Еще. Достаточно. (Продолжает рыться в карманах. Вспышка магния: 3-й фотограф сделал снимок). Черт побери! Ничего нет. (Оглядывается по сторонам. Епископу). Не шевелитесь! Хорошо. (Генералу). Разрешите?

Не дожидаясь ответа, он вынимает у генерала из глаза монокль и возвращается к епископу и судье. Он отдает монокль судье, который засовывает его, вместо облатки, епископу под язык. 1-й фотограф бежит к фотоаппарату. Вспышка магния. Входит королева, за ней посланник. Они наблюдают за происходящим.

П о с л а н н и к (тоном знатока). Так ложный спектакль рождает подлинный образ.

1 - й ф о т о г р а ф (с насмешкой). Ваше Величество, это в наших привычках. Когда арестовали мятежников, я заплатил полицейскому за то, чтобы он свалил одного из них перед моим аппаратом... Фотография изображала мятежника, убитого при попытке к бегству.

К о р о л е в а. Чудовищно!

П о с л а н н и к. Единственное, что важно для людей, это

образ и его прочтение. Для того и существует история, чтобы вписать в нее еще одну славную страницу, а затем прочесть ее. (Фотографам). Господа, королева изволит вас благодарить. Она просит всех занять свои места.

Фотографы располагаются под черными покрывалами у фотоаппаратов. Молчание.

К о р о л е в а (очень тихо, как бы про себя). Он здесь?

П о с л а н н и к (епископу, судье и генералу). Королева желает знать, что вы успели сделать?

Е п и с к о п. Мы пополнили ряды мертвецов, устроив мятежникам бойню. Из числа тех, кто погиб за нас, мы обнаружили несколько мучеников и воздали им должные почести.

К о р о л е в а (посланнику). Это послужит моей славе, не правда ли?

П о с л а н н и к (улыбаясь). Бойня — это праздник, на котором ненависть к нам позволяет народу от всей души повеселиться. Конечно, я имею в виду "наш" народ. Иначе говоря, наш памятник следует воздвигать в душе народа, чтобы он всегда мог осыпать его ударами. Именно на это я и надеюсь.

К о р о л е в а. Неужели снисходительность и доброта совсем ничего не значат?

Е п и с к о п. (насмешливо). Салон Винсен-де-Поль?

К о р о л е в а (раздраженно). А у вас, господин судья, что сделано? Я велела, чтобы вы выносили как можно меньше смертных приговоров и больше присуждали к принудительным работам. Надеюсь, что подземные галереи Мавзолея уже закончены?

С у д ь я. Полностью. И открыты для воскресных посещений публики. Отдельные своды украшены скелетами осужденных на смерть землекопов.

К о р о л е в а (обращаясь к епископу). А церковь? Помому, всякого, кто не отработал хотя бы одну неделю на строительстве нашего необыкновенного храма, следует причислять к разряду великих грешников. (Епископ наклоняет голову. Генералу). Что касается вас,

господин генерал, то ваша строгость мне хорошо известна: солдаты ревностно присматривают за рабочими и вполне заслужили гордое имя "строители".

(Чуть устало улыбаясь). Как вам известно, господа, наш салон-гробницу я хочу посвятить герою. Вы знаете, как он печален. Возможно, его печаль связана с тем, что он до сих пор не представлен у нас.

Г е н е р а л (осмелев). Для того, чтобы достичь славы, надо совершить немало зла. Все места давно заняты. Во всех нишах стоят памятники. (Самодовольно).

По крайней мере, нам...

С у д ь я. Так всегда случается, когда начинают с самого низа. Особенно, когда отрицают при этом традицию или пренебрегают ей.

К о р о л е в а (неожиданно громко). Но ведь это он все спас. Он предоставил нам возможность участвовать в церемонии.

Е п и с к о п (вызывающе). Сударыня, если быть искренними, то ни о чем большем мы и не мечтали. Ряса несколько стесняет меня, и я не прочь облеечь свои ноги в шелковые кружева. Для этого надо действовать.

К о р о л е в а (возмущенно). Действовать? Вы хотите сказать, что собираетесь лишить нас власти?

С у д ь я. Но ведь наши должности нам не соответствуют!

К о р о л е в а. Должности! Вы мечтаете низвергнуть их, ослабить, занять их места. Должности! Должности!

Е п и с к о п. В иные времена и в иных странах существовали, вероятно, более высокие чины, наделенные абсолютным достоинством и облаченные в настоящие одеяния...

К о р о л е в а (гневно). В настоящие? А это, по-вашему, какие? Выходит, что эти одежды, облегающие и стягивающие вас, одежды, взятые из моего собственного гардероба, — не настоящие? Так по-вашему?

Е п и с к о п (указывая на горностаевую мантию судьи, на свое шелковое облачение и т.д.). Кроличьи шкурки, сатин, машинные кружева... Вы думаете, мы всю жизнь будем довольствоваться этой видимостью?

К о р о л е в а (возмущенно). Но еще сегодня утром...

Она замолкает. Неслышно ступая, робко входит начальник полиции.

К о р о л е в а. Жорж, остерегайся их!

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и (пытаясь улыбнуться).

Думаю... что победа... за нами... Можно я сяду?

Он садится и вопросительно всех оглядывает.

П о с л а н н и к (с улыбкой). Нет, никто еще не приходил. Никто не испытывает потребность умереть в вашем ослепительном образе.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Проекты, предложенные вами, абсолютно неэффективны. (Королеве). Неужели никого?

К о р о л е в а (очень нежно, как бы успокаивая ребенка).

Никого. Но мы снова закрыли ставни, так что клиенты скоро появятся. Аппарат на месте, мы будем предупреждены звонками.

П о с л а н н и к (начальнику полиции). Значит, мой утренний проект вам не понравился? Или вас преследует ваш образ, который должен преследовать людей?

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Абсолютно неэффективен.

П о с л а н н и к (показывая фотографию). Красный плащ палача и топор. Желательно стальной и побольше.

К о р о л е в а (раздраженно). Салон смертных казней, номер четырнадцать. Уже есть.

С у д ь я (любезно, начальнику полиции). Должен признаться, что вас побаиваются.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Я не хочу, чтобы меня боялись... (Подыскивает подходящие слова). ...мне нужна хоть одна черточка... сигара... или застужка... или хлыст... О последнем проекте моего образа я даже не смею вам сказать.

С у д ь я. Он слишком смел?

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Слишком. Чересчур.

(Неожиданно решается). Господа, впрочем, я доверяю

вашему вкусу и ценю вашу преданность. Дело в том, что я собираюсь продолжить битву в области идей. Мне посоветовали явить себя в виде огромного фаллоса.

Все, кроме посланника, поражены.

К о р о л е в а. Жорж! Ты?

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Поскольку я олицетворяю собор нацию.

Е п и с к о п (Королеве). Успокойтесь, сударыня. Это вполне в духе эпохи.

С у д ь я. Фаллос? А какой высоты? Вы сказали: огромный.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Да. В мой рост.

С у д ь я. Но его трудно будет сделать.

П о с л а н н и к. Отнюдь. Современная техника и наша резиновая промышленность способны на чудеса. Не это меня беспокоит... (Поворачивается к епископу). ...а скорее то, как отнесется к этому церковь.

Е п и с к о п (после минутного раздумья, пожимая плечами). Пока ничего определенного сказать нельзя. Замысел, конечно, довольно смелый... (Начальнику полиции). ...но если ваше положение столь безнадежно, нам следует изучить этот вопрос подробнее. Не может ли эта опасная форма передаваться по наследству?

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и (тихо). Желаете взглянуть на макет?

С у д ь я (начальнику полиции). Вы сердитесь, а зря. Мы две тысячи лет ожидали этой минуты. Надейтесь.

Г е н е р а л (перебивая). Славу завоевывают в сражениях. Над вами еще не взошло солнце Аустерлица. Сражайтесь! Или ждите еще две тысячи лет.

Все смеются.

К о р о л е в а (яростно). Вам наплевать на мой труд. А ведь это я отыскала вас в салонах и взяла на службу своей славе. И вы дали согласие ей служить.

Молчание.

- Епископ** (решительно). Вопрос стоит так: или вы собираетесь служить нашим представлениям или мы... (Указывает на судью и генерала). ... заставим вас служить нам им!
- Королева** (неожиданно гневно). Какое шутовство! Да вы без кроличьей шкурки ровно ничего не значите... и вам уже приходилось плясать голышом - с содранной шкурой! - на площадях Севильи и Толедо. Под стук кастаньет. Господа, каковы ваши условия?
- Епископ**. В такой день, как сегодня, можно и поплясать. А что касается кроличьей шкурки, то она, являясь сакральным символом горноста, наделена всем его могуществом.
- Начальник полиции**. В данный момент.
- Епископ** (возбужденно). Правильно. Пока мы пребывали в салонах борделя, мы полностью принадлежали собственной фантазии, а теперь мы связаны с вами, связаны с людьми и, вовлеченные в эту авантюру, вынуждены продолжать ее в соответствии со всеми законами видимости.
- Начальник полиции**. Вы лишены всякой власти. Один только я...
- Епископ**. Так давайте вернемся назад, в наши салоны, и там продолжим наши поиски абсолютного достоинства. Нам было там хорошо, а вы пришли и вытащили нас оттуда. Какое там было райское блаженство! Полный покой, бездеятельность, нежность... закрытые ставни, плотные шторы, чуткие женщины... полиция, охраняющая публичный дом, в котором мы могли быть судьями, генералами, епископами и достигать вершин совершенства и наслаждения. И вот вы извлекли нас из этого восхитительного, безболезненного и счастливого состояния.
- Генерал** (перебивая епископа). Мои генеральские рейтузы! Как я был счастлив когда-то, надевая их! А сейчас вынужден в них спать, есть, танцевать - все в одних и тех же рейтузах, я вынужден жить в них, я принужден быть генералом.

С у д ь я. Все мое достоинство воплощено в моей мантии. **Г е н е р а л** (епископу). Я уже лишен той минуты, когда могу надеть наконец рейтузы или сапоги. Они вечно на мне, они со всех сторон облегают мои ноги, они вокруг меня... Клянусь вам, я разучился мечтать.

Е п и с к о п (начальнику полиции). Вот видите, он разучился мечтать. Наша декоративная безупречность и роскошная, но бесплодная видимость подточены! Видимость больше не узнает себя. Пусть! Но горькая сладость ответственности, с ее вкусом и запахом, осталась с нами- и мы находим ее приятной. Наши салоны перестали быть тайными. Вы говорили о пляске? Наверное, вспомнили тот удивительный день, когда нам пришлось плясать на испанских площадях голыми, или без украшений, или с содранной шкурой- как вам больше нравится. Я плясал, должен в этом признаться, среди общего смеха, и все-таки плясал. А сейчас, если бы мне вдруг снова захотелось этого, мне пришлось бы тайком от всех пробираться в "Балкон", где для священнослужителей имеется салон с балеринами. Нет, нет!... Будем жить на свету, со всеми вытекающими из этого последствиями. Судейский чиновник, солдат, священник, все мы должны действовать- для того, чтобы уничтожить свои украшения. Мы заставим их служить на себя! Но для того, чтобы они служили, и для того, чтобы мы служили, необходимо, чтобы вы их признали и воздали им должное.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и (спокойно). Каждое из ста тысяч отражений в зеркале полагает, что оно- единственное, и что именно в нем желают слиться все остальные отражения. Без меня вы бы пропали. Вам это понятно? (Его голос приобретает все большую властность).

К о р о л е в а (епископу, вкрадчиво). Сегодня вы одели это платье лишь потому, что вам не удалось отсюда вовремя удрать. Вы явились сюда не для того, чтобы отыскать в зеркале одно из ста тысяч отражений, а для того, чтобы помочь возвращению клиентов. Их еще

- немного, но Кармен уже отметила несколько посещений. (Начальнику полиции). Не давай им себя запугать. До мятежа, конечно, их было больше. (Епископу). Зачем только вам пришла в голову мысль: казнить Шанталь!
- Епископ** (делая вид, что испугался). Зря пулю истратил.
- Королева**. Зря или не зря, не знаю, но Шанталь была убита на моем балконе. Она вернулась, чтобы позидать меня, свою хозяйку.
- Епископ**. Хорошо, что я во-время сообразил превратить ее в одну из наших святых.
- Начальник полиции**. Традиционный прием. Очевидная реакция церковного деятеля. Но поздравлять вас с этим преждевременно. Ее образ на нашем знамени не имеет почти никакой силы. Повсюду говорят, что Шанталь была приговорена к смерти теми, кого она собиралась спасти...
- Королева** (беспокойно). Значит, все придется начинать сначала...

С этого момента королева и начальник полиции выглядят очень возбужденными. Королева подходит к окну, выглядывает и задергивает штору.

Посланник. Все.

Генерал. И снова садиться в карету?..

Епископ. Если я и убил Шанталь, то впоследствии я ее канонизировал и поместил ее образ на государственном флаге...

Королева. На нем должен быть мой образ...

Посланник. Он уже имеется на почтовых марках, на банкнотах и в полицейских участках.

Генерал. Как медленно двигалась карета!..

Королева. Значит, я больше не буду той, кто я есть?

Посланник. Никогда.

Королева. И любое событие в моей жизни... капля крови, которая выступит, когда я оцарапаюсь...

Посланник. Все будет записано прописными буквами...

К о р о л е в а. Но это— Смерть?

П о с л а н н и к. Да.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и (властно). Для всех вас это Смерть, и именно поэтому я могу на вас положить—ся. По крайней мере до тех пор, пока я не представлен в салоне. А после этого я буду только отдыхать. (Вдохновенно). Даже если я внезапно ослабну, я буду знать, что мой образ, отделившись от меня, будет постоянно пребывать среди людей. Мой зримый конец близок. Но пока надо действовать. (Епископу). Кто возьмет на себя подлинную ответственность? Вы? (Пожимает плечами). Будем логичны: если вы есть то, что вы есть, судья, генерал, епископ, значит вы хотели ими стать и хотели, чтобы остальные знали, что вы ими стали. Следовательно, чтобы попасть сюда, вы сделали то, что надо было сделать, и вы сюда попали. Так?

Г е н е р а л. Примерно.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Отлично. Таким образом, вы всегда действовали не ради действия, а только для того, чтобы ваши поступки в ряду других поступков создали епископа, судью, генерала...

Е п и с к о п. И да, и нет. Любой поступок содержит в себе элемент новизны.

С у д ь я. Мы обрели важность и достоинство.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Несомненно, господин судья, но это достоинство, подобно кристаллу, лишено всего человеческого и не годится для господства над людьми. Над вами стоит королева, более величественная, чем вы. От нее вы получили свою власть и свои права. Над ней развевается наше знамя с образом нашей святой, победоносной Шанталь.

Е п и с к о п (агрессивно). Но над Ее Величеством, которую мы все так высоко чтим и над ее знаменем, находится Бог, от имени которого говорю я.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и (раздраженно). А над Богом?

Молчание.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Так вот, господа, над Богом находитесь вы, без которых Бог был бы ничто, а над вами— я, без которого...

С у д ь я. А народ? А фотографы?

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и (с сарказмом). Станем на колени перед народом, который стоит на коленях перед Богом... (Все смеются). Вот почему я хочу, чтобы вы мне служили. Однако, говорили вы прекрасно, и следует воздать должное вашему красноречию, изяществу стиля и мощи голосовых связок. Но я— человек действия, и отбрасываю прочь те слова и идеи, которые невозможно немедленно реализовать. Вот почему мне интересно знать, увижу ли я вас в нишах Мал-золея. Но делать их я не намерен. По крайней мере сейчас, поскольку... вы уже здесь.

Г е н е р а л. Господин начальник полиции!

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и (толкает генерала, который кувырком летит на пол). Лежать! Лежать, господин генерал!

С у д ь я. Подол моей мантии можно подобрать.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и (толкает судью, который тоже падает на пол). Лежать! Если вы желаете быть признанным в качестве судьи, так оставайтесь им в соответствии с тем замыслом, что пришел мне в голову. И в соответствии со здравым смыслом, который вполне соответствует вашему положению. Мне следует почаще к нему прибегать. Так или не так?

Никто не отвечает.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Я слушаю вас. Да или нет?

Епископ отступает на несколько шагов.

К о р о л е в а (вкрадчиво). Господа, простим его за то, что он несколько вспылал. Мне хорошо известно, что хотел найти у меня каждый из вас. Вы, Ваше Преосвященство,— кратчайшие и не подлежащие сомнению пути к святости. От позолоты моих риз вам мало толку, я в этом уверена. В эту комнату с закрытыми окнами вас

привело отнюдь не вульгарное честолюбие, а любовь к Богу. Вами, господин прокурор, руководствовала забота о правосудии, и только поэтому вы ~~х~~ захотели увидеть в моих зеркалах тысячекратное отражение судьи. А вас, господин генерал, неотступно преследовала жажда воинской славы, мужества и героических событий. Так позвольте себе продолжать начатое и не мучайтесь лишними угрызениями совести...

Епископ, судья и генерал глубоко вздыхают.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Вас это утешает? Я прекрасно понимаю, что вам никогда не выбраться из самих себя и не соприкоснуться с миром, пусть даже непосредственно злых поступков. (Дружелюбно). К сожалению, мой собственный образ находится еще в процессе создания. Вам, конечно, известно, что в номенклатуре образов этого дома его нет.

К о р о л е в а. В Розовой книге...

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Совершенно верно, в Розовой книге... (Епископу, судье и генералу). Так неужели, господа, у вас нет ни капли жалости к такому несчастному человеку, как я? (По очереди смотрит на них). Неужели у вас такие жестокие сердца? Ведь все эти салоны и образы предназначены для вас. Конечно, они еще не совершенны и требуют большой работы и бесконечного терпения, но в конечном счете вы обретете самый естественный и правдоподобный вид. (Покорно и очень устало). Подождите немного. В данный момент я переполнен грядущими поступками и деяниями... которые, как я предчувствую, будут умножены без конца... (Епископу). Вы молчите?... (Молчание). Вы правы... Помолчим и подождем... (Продолжительное и напряженное молчание). Возможно, именно сейчас... (Тихим и скромным голосом). ... готовится наш триумф...

Все молча ожидают. Затем, в правую дверь, стараясь остаться незамеченной, входит Кармен. Первым ее замечает посланник и молча указывает

на нее. Королева знаком велит ей удалиться, но Кармен, напротив, делает к ней несколько шагов.

К о р о л е в а (почти неслышно). Я запретила нас беспокожить. Что тебе надо?

Кармен подходит ближе.

К а р м е н. Я звонила, но аппарат, кажется, не работает. Прошу прощения, мне нужно вам кое-что сообщить.

К о р о л е в а. Говори.

К а р м е н (нерешительно). Понимаете... дело в том... я не знаю...

К о р о л е в а. Можешь шепнуть мне на ухо. При дворе так принято.

Она подставляет Кармен ухо, та наклоняется и что-то шепчет. Королева приходит в заметное волнение.

К о р о л е в а. Ты уверена?

К а р м е н. Да, мадам.

Королева стремительно удаляется со сцены налево. Кармен следует за ней. Начальник полиции пытается догнать их, но посланник останавливает его.

П о с л а н н и к. Нельзя преследовать Ее Величество.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Что случилось? Куда она ушла?

П о с л а н н и к (с иронией). Вышивать. Королева вышивает и не вышивает... Помните эти слова? Королева обретает свою подлинную реальность лишь тогда, когда она уходит, отсутствует или умирает.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. А что происходит снаружи? (Судье). У вас есть новости?

С у д ь я. То, что вы называете "снаружи", для нас столь же таинственно, как для них-мы.

Епископ. Я попробую рассказать вам о бедах о горестях нашего народа, который решил, что в бунте он обретет свободу. К несчастью— или слава богу!— ему никогда не создать такое мощное движение, которое смогло бы уничтожить наши образы.

Начальник полиции (с дрожью в голосе).

Так, по-вашему, я имею какие-то шансы?

Епископ. Вы находитесь в превосходном положении.

Повсюду, во всех семьях и учреждениях, царит ужас. Ваш образ заставляет мужчин сомневаться в самих себе.

Начальник полиции. Неужели и они, как я, лишены всяких надежд?

Епископ. Они абсолютно их лишены, их ожидает катастрофа.

Начальник полиции. Я все больше становлюсь похожим на пруд, в котором они увидят свои отражения.

Генерал (взрыв смеха). И, наклонившись слишком низко, упадут в него и утонут! Вы окажетесь полны утопленников! (Никто не разделяет его веселья). Однако, они еще не пришли. (В замешательстве). Подождем.

Молчание.

Начальник полиции. Вы действительно полагаете, что людям известно, что такое надежда? И что с утратой надежды они утрачивают все? И что, утратив все, они захотят потеряться во мне?

Епископ. Так оно и будет, поверьте мне.

Начальник полиции. Когда я пройду, наконец, посвящение...

Епископ (насмешливо). Земля на мгновение остановит свой бег. Но это заметите только вы один.

Вдруг левая дверь распаивается, и влетает сияющая королева.

Королева. Жорж!

Она падает в объятия начальника полиции.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и (не веря). Неужели?
 (Королева утвердительно кивает головой). Но где?..
 Когда?

К о р о л е в а (очень взволнованно). Здесь!.. Только
 что... в салоне...

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Ты не шутишь? Я сов-
 сем не ожидал...

Раздается очень громкий звонок, настоящий
 трезвон.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Неужели правда? Это
 мне?

Он отталкивает королеву в сторону, но в это
 время звонок смолкает.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Господа, я включен в
 номенклатуру образов? (Королеве). Ты действительно
 уверена?

Звонок повторяется и смолкает.

К о р о л е в а. Я собственнoлично встретила посетителя
 и провела его в Салон-мавзолей. В тот самый, что
 сооружен в твою честь. Я оставила там Кармен, а са-
 ма поспешила сюда. Видишь, как я вспотела?

Снова звонок.

Е п и с к о п (угрюмо). Мы пропали.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Аппарат работает? Мож-
 но взглянуть?

Он идет налево, королева— следом за ним.

П о с л а н н и к. Так не принято. Это некрасиво.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и (пожимая плечами). Где
 аппарат? (Королеве). Давай посмотрим вместе.

Он становится слева, у небольшого окна, лицом
 к нему. После некоторого колебания судья, гене-

рал и епископ идут направо, ко второму смотровому окну, расположенному симметрично первому. Затем двусторчатое зеркало, образующее стену в глубине сцены, отодвигается в сторону. Открывается внутренность Особого салона. Посланник, в свою очередь, подходит к королеве и начальнику полиции и останавливается возле них.

ОПИСАНИЕ САЛОНА-МАВЗОЛЕЯ

Внутренность круглой башни или колодца. Каменные стены. В глубине — лестница, ведущая вверх. В центре — другой колодец, в который ведет еще одна лестница. На стенах — четыре лавровых венка с траурными лентами. В то время, как перегородка отодвигается, Роджер медленно спускается по лестнице. Его сопровождает Кармен. Роджер одет, как начальник полиции, но стоит на котурнах, что делает его очень высоким. Его плечи также увеличены в размерах. Он спускается по лестнице под удары барабана.

К а р м е н (приближаясь к нему и протягивая сигару). Дополнительные услуги нашего дома!

Р о д ж е р (берет сигару и засовывает ее в рот). Благодарю.

К а р м е н. Не так, наоборот. (Поворачивает сигару другим концом). Вы, наверное, впервые курите сигару?

Р о д ж е р. Да... (Пауза). Но тебя это не касается. Твое дело — обслужить меня. Я заплатил...

К а р м е н. Прошу прощения, сударь.

Р о д ж е р. А где раб?

К а р м е н. С него снимают кандалы.

Р о д ж е р. Он, надеюсь, знает, что ему делать?

К а р м е н. Да. Вы — первый посетитель этого салона. Но дело в том, что все сценарии сводятся, по существу, к одной теме...

Роджер. Что это за тема?

Кармен. Смерть.

Роджер (ощупывая стены). Значит, это и есть моя гробница?

Кармен (поправляет). Мавзолей.

Роджер. Сколько рабов здесь работает?

Кармен. Весь народ, сударь. Половина — ночью, другая — днем. Как вы и требовали, в горе сооружается нечто вроде термитника, или Лурдского храма, или бог знает чего. Снаружи абсолютно ничего не заметно. А внутри: гробницы — в гробницах, гробы — в гробах, урны — в урнах...

Роджер. А здесь?

Кармен. Это передняя. (Она указывает на лестницу, ведущую под землю). Сейчас вы спуститесь еще ниже.

Роджер. А наружу можно выйти?

Кармен. Но... вы не можете этого желать.

Молчание.

Роджер. Здесь действительно никого до меня не было?

Кармен. В гробнице или... в салоне?

Молчание.

Роджер. Надеюсь, все в порядке? Мой костюм? Парик?

Начальник полиции у смотрового окна поворачивается к королеве.

Начальник полиции. Откуда он знает, что я ношу парик?

Епископ (ухмыляясь, судье и генералу). Он один не знает, что все это знают.

Кармен (Роджеру). Все давно продумано и все в полном порядке. Ваше дело — заняться остальным.

Роджер (с беспокойством). Понимаешь, я тоже ищу. Мне надо овладеть идеей героя, а она не слишком торопится проявить себя.

К а р м е н. Именно поэтому мы и привели вас в Салон-Мавзолей. Здесь невозможны ни ошибки, ни фантазии.

Пауза.

Р о д ж е р. Я буду один?

К а р м е н. Все закрыто, все заперто. Двери заколочены, стены тоже.

Р о д ж е р (нерешительно). А... мавзолей?

К а р м е н (с силой). Целая гора. Свидетельством чего служит вода, просачивающаяся из стен. Мертвое молчание. Непроницаемая темнота. В такой темноте у ваших глаз разовьются необычайные свойства. Кладбищенский холод. Титаническая работа по переустройству горы продолжается. Люди со столами долбят в граните ниши. Это доказывает, что вы- победитель, и что вас любят.

Р о д ж е р. Со столами? Так значит... я могу услышать стоны?

Он поворачивается к дыре у основания стены. Из нее высовывается голова нищего, который появился в восьмой картине. Теперь это раб.

К а р м е н. Иди сюда!

Раб выползает из дыры.

Р о д ж е р (рассматривая раба). Это он?

К а р м е н. Не правда ли, хорош? Худой, весь в язвах, со вшами. Он мечтает умереть за вас. Я оставлю вас одних.

Р о д ж е р. С ним? Нет, нет. (Пауза). Не уходи. Все должно происходить в присутствии хотя бы одной женщины. Лицо женщины- обычный свидетель.

Внезапно слышится стук молота о наковальню, затем- крик петуха.

Р о д ж е р. Здесь живут?

К а р м е н (обычным голосом). Как я уже говорила, все закрыто, но звукам, тем не менее, удастся сюда проник-

нуть. Вас это беспокоит? Жизнь, как прежде, идет своим чередом...

Роджер (с беспокойством). Как прежде...

Кармен (нежно). Вы...

Роджер (печально). Да. Но все погибло... И самое грустное— их слова: "Как прекрасен был мятеж!"

Кармен. Не надо об этом думать. И не прислушивайтесь к звукам снаружи. Впрочем, пошел дождь. (Наигранно). Здесь вы— у себя. (Указывая на раба). Прикажите ему говорить.

Роджер (рабу, входя в роль). Ты умеешь говорить? Что ты можешь делать?

Раб (распластавшись на животе). Господин, сначала согни меня, потом немного встряхни... (Он хватает Роджера за ногу и ставит ее себе на спину). ...вот так! ... и даже...

Роджер (нетерпеливо). И даже?

Раб. И даже увязни, если сможешь.

Роджер (затягиваясь сигарой). Увязнуть? Но здесь нет грязи.

Королева (в сторону). Он прав. Надо было предусмотреть. В таком доме, как наш... Впрочем, сегодня первый день...

Раб (Роджеру). Я ощущаю ее вокруг своего тела, господин. Она повсюду, если не считать моего рта, источающего похвалы и стоны... Благодаря им я стал знаменитым.

Роджер. Знаменитым?

Раб. Я знаменит своими песнями, господин, но в них я воспеваю вашу славу.

Роджер. Таким образом, твоя слава сопровождает мою. (Кармен). Он хочет сказать, что мое лицо облечено в его слова. Но... если он замолчит... неужели я перестану тогда существовать?

Кармен (сухо). Вы задаете вопросы, которые не предусмотрены сценарием.

Роджер (рабу). А кто воспевает тебя?

Раб. Никто. Я умираю.

Р о д ж е р. Так кто ты тогда... без меня, без моего по-
та, слез, крови?

Р а б. Никто.

Р о д ж е р (рабу). Ты, значит, поешь? А что еще делаешь?

Р а б. Все возможное, чтобы оказаться достойным вас.

Р о д ж е р. Например?

Р а б. Например, гнию на корне. А это, поверьте мне, не
так легко. Но я стараюсь.. И понемногу исчезаю...
каждый...

Р о д ж е р. День?

Р а б. Месяц.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и (в сторону). Слишком
медленно. Но если постараться...

П о с л а н н и к (начальнику полиции). Тише! Дайте им
самим...

Р о д ж е р. Слишком медленно. Но если постараться...

Р а б (восхищенный). С превеликой радостью, Ваше Превос-
ходительство! Вы такой красивый... что мне не тер-
пится узнать, кто вы: блеск дня или мрак ночи?

Р о д ж е р. Какая разница? Вся моя реальность— это реаль-
ность твоих слов.

Р а б (ползет в сторону лестницы, ведущей вверх). У вас
нет ни рта, ни глаз, ни ушей, но вы весь— громыха-
ющий рот и взмрающий глаз...

Р о д ж е р. Ты это видишь, но... знают ли об этом дру-
гие? Знает ли об этом ночь? Смерть? Что говорят кам-
ни?

Р а б (подползает к лестнице и начинает подниматься по ней).
Камни говорят...

Р о д ж е р. Я слушаю.

Р а б (прекращает подъем и оборачивается к зрительному
залу). Связанные цементом, мы образуем твою гробни-
цу...

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и (повернувшись к зритель-
ному залу и радостно ударяя себя в грудь). Камни об-
рацаются ко мне на "ты"!

Р а б (продолжает). ...а цемент замешан на слезах, кро-
ви и плевках. Глаза и руки каменщиков вложили в нас

свою печаль. Мы- для тебя одного, только для тебя.

Раб возобновляет подъем.

Роджер (постепенно приходя в возбуждение). Все говорят обо мне! Все вьдыхают, все обожают меня! Моя жизнь прожита для того, чтобы была написана, а затем прочитана еще одна славная страница истории. Единственное, что важно- это прочтение.

Внезапно он замечает исчезновение раба.

Роджер. Но... куда он делся?.. Где он?

Кармен. Взлетел в воздух... Он будет петь оттуда... и сообщит...

Роджер (беспокойно). Что?

Кармен. Истину: что вы- мертвы, или точнее, что вы непременно умираете... и что ваш образ и имя будут отражаться в зеркалах до бесконечности.

Роджер. Ему известно, что мой образ- всюду?

Кармен. Да, он всюду: высечен, выгравирован, внушен страхом...

Роджер. А в детских играх? В татуировке моряков? На военных парадах?

Кармен. Всюду.

Начальник полиции (в сторону). Значит, победа за мной?

Королева (растроганно). Ты счастлив?

Начальник полиции. Славно ты поработала. И твой дом тоже.

Роджер (Кармен). А в тюрьмах? В морщинах стариков?

Кармен. Тоже.

Роджер. И в изгибах дорог?

Кармен. Ты требуешь невозможного.

Раздаются прежние звуки: крик петуха и удары молота.

Кармен. Пора уходить, сударь. Сеанс окончен. Выход по коридору налево.

Слышен громкий стук молота о наковальню.

К а р м е н. Слышите? Пора уходить. Что вы делаете?

Р о д ж е р. Жизнь где-то в стороне... и очень далеко. А здесь такие прекрасные женщины... В них можно потерять себя.

К а р м е н (сухо). Да. На обычном языке нас называют шлюхами. Вам пора уходить.

Р а б. Куда? В жизнь? И снова заниматься прежними делами?

К а р м е н (несколько взволнованно). Не знаю, чем вы занимаетесь, да и не имею права об этом знать. Но вам нужно уйти. Ваше время истекло.

Слышны звуки, напоминающие о действительности: удары молота, щелканье кнута, шум мотора и т.д.

Р а б. Неужели даже здесь торопятся? Почему ты хочешь, чтобы я ушел?

К а р м е н. Вам здесь делать больше нечего.

Р а б. Нечего. Но и там- тоже. Снаружи все поколеблено, все распалось. Никакая истина там не возможна. Ты знала Шанталь?

К а р м е н (испуганно). Уходите! Уходите немедленно!

К о р о л е в а (раздраженно). Я не позволю, чтобы в моих салонах царил беспорядок. Откуда взялся этот тип? После мятежа сюда так и лезет всякий сброд. Надеюсь, что Кармен...

К а р м е н (Роджеру). Уходите! Вы не имеете права задавать мне подобные вопросы. Разве вам неизвестно, что в публичных домах царят строгие порядки, и что полиция- на нашей стороне.

Р о д ж е р. Нет! Я сам исполняю роль начальника полиции, и поскольку я здесь...

К а р м е н (тащит его за собой). Вы с ума сошли! Впрочем, не вы один впали в заблуждение относительно границ своей власти... Уходите!

Р о д ж е р (вырываясь). Поскольку этот бардель существует, и поскольку я смог сюда войти, я имею полное пра-

во довести образ, выбранный мной, до логического конца... и завершить его судьбу... то есть, мою судьбу... смешать его судьбу с моей...

К а р м е н. Сударь, не кричите так громко: салоны полны посетителей. Уходите.

Р о д ж е р. Нет! Ни за что! Иначе мне ничего не достанется. А герою достанется слишком много...

Кармен пытается вывести его. Она открывает одну дверь, но не ту, затем другую, и снова ошибается, затем еще одну... Роджер тем временем достает нож и, повернувшись спиной к зрительному залу, оскопляет себя.

К о р о л е в а. О боже, мои ковры! Мой бархат! Он- просто сумасшедший!

К а р м е н (кричит). Как вы посмели? Здесь? (Кричит).
Мадам! Мадам Ирма!

Наконец, Кармен удается насилу вытащить Роджера в дверь. Королева торопливо удаляется. Остальные действующие лица отворачиваются от смотровых окон. Начальник полиции выходит на середину сцены.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Отлично сыграно. Он решил, что овладел мной.

Начальник полиции подносит руку к прорехе, демонстративно ощупывает ее и облегченно вздыхает.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Все в порядке. Даже если мой образ будет кастрирован во всех борделях мира, сам я останусь целым и невредимым. Да, господа, - невредимым. (Пауза). Этот водопроводчик всего-навсего утратил чувство меры. (Радостно зовет). Ирма! Ирма! Где ты? Она, наверное, делает перевязку.

К о р о л е в а (появляясь). Жорж! Все ковры в крови... В коридоре- клиенты... Кармен не знает, что с ними

делать.

П о с л а н н и к (кивая начальнику полиции). Отличная работа.

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и. Мой образ будет сохранен навсегда. Искалеченный? (Пожимает плечами). Мерзкий ритуал, но и он послужит моей славе. Надо сходить на кухню и попросить, чтобы приготовили еды на две тысячи лет.

К о р о л е в а. А как же я? Жорж! Я еще живая...

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и (не слушая ее). Итак, я существую... Но где? Здесь или... тысячу раз там? (Указывает на гробницу). Отныне я могу быть добрым... набожным... справедливым... Вы видели? Вы меня видели? Я нахожусь там, самый великий, самый могучий, самый мертвый... Здесь мне больше нечего делать.

К о р о л е в а. Жорж! Я люблю тебя!

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и (направляясь к гробнице). Я получил право на отдых и двухтысячелетнее ожидание. (Фотографам). Взгляните на меня, живого и мертвого. Во имя наших потомков... пли! (Три почти одновременных вспышки магния). Я победил!

Медленно пятясь, он входит в гробницу. Трое фотографов с фотоаппаратами за спиной не принужденно уходят налево и машут на прощание.

К о р о л е в а. Жорж, это я все сделала, я устроила...
Останься... Что это?

Раздается пулеметная очередь.

К о р о л е в а. Слышишь?

Н а ч а л ь н и к п о л и ц и и (взрыв смеха). Не забывай меня!

Судья и генерал бросаются к нему, пытаются задержать, но дверь закрывается, оставляя за собой начальника полиции, который начинает спускаться по ступенькам. Еще одна пулеметная очередь.

С у д ь я (хватаясь за дверь). Не оставляйте нас одних!
 Г е н е р а л (мрачно). Опять эта карета!
 П о с л а н н и к (судье). Уберите руки, а то останетесь
 без пальцев.

Дверь полностью закрывается. Оставшиеся на сцене действующие лица некоторое время пребывают в полной растерянности.

К о р о л е в а. Господа, вы свободны...
 Е п и с к о п. Но... сейчас ночь.
 К о р о л е в а (перебивая его). Выйдите через заднюю
 дверь в переулок. Там вас ожидает машина.

Она кивает им на прощанье. Епископ, судья и генерал уходят направо. Вновь раздаются пулеметные выстрелы.

К о р о л е в а. Кто это?.. Наши... или мятежники?..
 П о с л а н н и к. Чей-то сон, Ваше Величество.

Королева начинает ходить по комнате и поворачивать многочисленные выключатели. Одна за другой гаснут лампы.

К о р о л е в а (продолжая гасить свет). Зовите меня мадам Ирма. И возвращайтесь к своим. До свидания, сударь.

П о с л а н н и к. До свидания, мадам Ирма.

Он уходит.

И р м а (остается одна и продолжает выключать свет). Электричество обходится мне ежемесячно в тысячу франков! Тридцать восемь салонов. Все в позолоте, с автоматикой, способные вдвигаться друг в друга, выдвигаться, соединяться... И за всеми этими представлениями наблюдаю одна я- хозяйка своего дома и самой себе... (Она поворачивает еще один выключатель и тут же снова его включает). Это освещение гробницы... Ему еще

два тысячелетия нужен свет. И еда. (Пожимает плечами). Слава нисходит в его гробницу вместе с запасами съестной провизии. (Кричит). Кармен!.. Кармен!.. Задвинь засов и накрой стулья чехлами. (Продолжает гасить свет). Скоро опять начинать все сначала... Зажигать свет... одеваться... (Раздается крик петуха). ... подбирать костюмы... (Останавливается посреди сцены, лицом к зрительному залу).... Я приготавливаю их для вас, господ судьи, генералы, епископы, камергеры, революционеры... Я приготавливаю для вас костюмы и салоны... И снова выйду к вам, у которых все в жизни еще фальшивее и притворнее, чем здесь. А сейчас вам пора уйти. Выход — по коридору направо. (Она гасит последнюю лампу). Уже утро.

Раздается пулеметная очередь.

ЗАНАВЕС